

Борис Михайлов

**Он никогда
не простит меня**

Борис Михайлов
Он никогда
не простит меня. Любовно-
приключенческий роман

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43721645
ISBN 9785005032973*

Аннотация

Девочка из бедной семьи поняла, перспектив у неё нет. Рассчитывать следует на себя. Предала юношескую любовь, вышла замуж за бизнесмена на 12 лет старше. Обладая природной смекалкой и деловыми качествами, сообразила, наслаждаться жизнью мало, надо иметь своё дело и не зависеть от мужа. Открылась тайна: при рождении её разлучили с сестрой-близняшкой. Богатство не принесло счастья. Поисками сестры и своего первого любимого героя и занялась. Действия проходят в России, Европе и США. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Лазурный берег	5
Откровения, которыми начинают воспоминания	24
Жены преуспевающих Рублевцев	28
С Кириллом необходимо что-то решить	40
Соседка Варя Матвеева	49
Предсмертный секрет мамы – у меня есть сестра близняшка	55
Соломенная вдова	65
Кирилл	67
Светская журналистка Лана	72
Любимица тинейджеров – Вероника	75
Самарский детдомовец, в порядке обмена, живет в английской семье	81
Встреча с Валерием	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

**Он никогда
не простит меня
Любовно-
приключенческий роман**

Борис Михайлов

© Борис Михайлов, 2019

ISBN 978-5-0050-3297-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лазурный берег

Проснувшись, долго не могла сообразить, где я. Луч солнца, пробившийся между не плотно задвинутыми шторами, освещал волосатые ноги спящего голого мужчины, отвернувшегося к стенке.

Я попыталась рассмотреть его лицо, прокручивая в памяти события вчерашнего вечера. Имя вспомнить никак не удалось – Игорь, а может, Дима? Я тоже без ничего. Посмотрела по сторонам, ни ночнушку, никакой другой одежды в комнате не нашла. Не было и его одежды. Осторожно встала, стараясь не разбудить то ли Игоря, то ли Диму, и пошла в ванную. Неожиданно вспомнила, парня зовут Миша. В ванной, слава богу, висело несколько халатов, есть что накинуть. Поколебавшись, принять ванну или ограничиться душем, выбрала душ. Чтобы окончательно проснуться, начала с традиционного холодного. По утрам я обычно принимаю контрастный душ, потом, если позволяет время, долго нежусь в ванне. Сегодня ограничилась душем, влезла в халат внушительных размеров, и отправилась в путешествие по дому искать одежду. Покинув спальню, вышла в широкий коридор, посмотрела в окно и обомлела. За окном – море, у пирса пришвартованы десяток бело – голубых яхт, на рейде еще две большие белоснежные яхты – почти корабли.

Протерла глаза, проснулась, или всё продолжают сновить

дения? Откуда в Жуковке море? Яхты не игрушечные, передо мной настоящее море, не бассейн. Посмотрела за окно еще несколько секунд и, не переставая удивляться, поняла, я не в Сочи и не в Крыму, а где-то за границей.

– Как здесь очутилась? Вчера в ресторане «Прадо» отмечали день рождения моей подруги – журналистки светской хроники Ланы Ветер. Ветер – псевдоним, настоящая фамилия вызывала бы постоянные вопросы, не дочь ли она известного банкира. Его имя у всех на слуху, а Лана не хотела, чтобы её воспринимали лишь как дочку известных родителей. В компании были одни женщины, Лана пожелала устроить вечеринку наподобие девичника. Позже, когда мы вдоволь наговорились, изрядно выпили, она позволила присоединиться нескольким молодым людям, близким знакомым. Они и привели с собой Михаила. С первой минуты он принялся клеить меня. Я не поддавалась. Лана шепнула: Михаил сын олигарха, сам почти олигарх. Главное – порядочный молодой человек, каких редко встретишь на тусовках.

Еще раз посмотрела в окно, не сплю ли? Нет, яхты у пирса стояли на месте, одна из дальних яхт – целый корабль, снялась с якоря и быстро удалялась.

Пока Михаил все еще дрыхнет в соседней комнате, решила найти одежду и выйти на улицу, разобраться, где я. Может, и он ничего не помнит? Прошла несколько шагов по коридору и встретила женщину средних лет, судя по одежде, горничную, она приветствовала меня на нормальном рус-

ском.

– Встали? Завтракать будете?

– Выпить бы чего – nibудь. Кофе.

– Вам в спальню принести?

– Спасибо, пройду в столовую. Что-то запомнила, как пройти, – соврала я. Собралась спросить, где нахожусь, но не решилась, – и так думает черте – что обо мне. Судя по всему, не приняла за проститутку. Хотя, кто ее поймет, вышколенная прислуга никогда не покажет своего истинного отношения и не задаст лишних вопросов.

– Меня зовут Катя. По возрасту пора бы Катериной Ивановной, в доме привыкли Катей. Вы тоже так зовите. Пойдемте, провожу.

– А меня, Елена, – сказала я, и направилась за горничной. Столовая оказалась огромным залом, за длинным столом уместились бы человек двадцать, а то и больше. Оставив меня одну, Катя вышла, и я могла спокойно осмотреться. Два огромных окна выходили в сад, я подошла ближе и увидела перед домом восхитительную цветочную клумбу. Полы халата разошлись, и я вспомнила, под ним у меня ничего. Придется признаться, что не помню, где вчера разделась.

Вошла Катя с небольшим серебряным подносом с кофейником, кувшинчиком сливок, чашкой с блюдцем. Из-под салфетки желтел румяный бок круассана.

– Катя, я не запомнила, где вчера оставила свою сумочку и раздевалась.

– Сейчас принесу.

– Спасибо. Проводите лучше.

Мы миновали несколько дверей и остановились в одной из спален, Катя распахнула дверь, и я увидела на столе свою сумочку, а на спинке стула свое вечернее черное платье с высоко открытой грудью, в котором пошла на день рождения Ланы.

– Вы свободны, – сказала Кате, молча ждавшую меня. – Обратно дорогу найду. – Она повернулась и ушла. Я подняла платье, кроме него ничего в комнате не было. А комбинашка, бюстгальтер, колготки, трусики? Где все? Не было и моих новых туфель от Версаче, что только на днях купила за тысячу двести долларов.

Решила слегка позавтракать, потом разбудить Мишу и спросить, где одежда. В сумочке были карточки VISA и MASTER – CARD, в Греции ли я, или в Италии, купить одежду можно, но в банном халате не выйдешь, к тому же, еще на два размера больше!

Я вернулась за стол, налила себе кофе, разбавлять сливками не стала. Есть не хотелось, но круассан из-под салфетки так соблазнительно смотрел на меня, что не смогла не отломить кусочек. Он был великолепен, и я съела весь. Вернувшись в спальню, я сильно хлопнула дверью, и Миша проснулся, повернулся ко мне.

– Иди сюда! Чего рано встала? – Он привстал и протянул ко мне руки. Я не стала подходить, молча разглядыва-

ла того, с кем провела ночь. «Порядочный молодой человек, кого редко встретишь на тусовках» ... Был ли у нас секс? Не помню. Скорее всего, был, раз оба нагишом спали. – Иди ко мне, – повторил он. – Побалуемся поутрянке?

– С утра никакого баловства не признаю, извини. Скажи лучше, где мы находимся, – в Греции, Турции? Где моя одежда?

– В Ницце. Неужели ничего не помнишь? Проверяли паспорта, у тебя оказалось, что-то не так оформлено, пришлось заплатить, ты возмущалась, кричала, что недавно летала в Париж, и паспорт был в порядке.

– Правда? Не помню. Как могла кричать, французского я не знаю?

– По – английски.

– Так мы в Ницце? Мама родная! Как же ты умудрился привезти сюда?

– Ничего не помнишь? Набралась вчера! С вечеринки заехали к тебе, взяли загранпаспорт, и махнули на Чкаловский.

Миша завернулся в простыню и встал.

– Пойду в душ, и будем завтракать. – Он расстегнул на мне халат, обнял, поцеловал. – Красавица, моя! Пошли в душ! – Схватил за руку и потащил в ванную, я вырвалась. Настаивать он не стал.

– Хочу одеться, где всё?

Он посмотрел по сторонам, задумался.

– Неужели Катя унесла? – Подошел к громадному креслу

и отодвинул его. На полу валялись все наши шмотки – и мои, и его. Повесили на спинку и все свалилось. Миша вышел, я принялась одеваться. Надела трусики, бюстгальтер, короткую комбинашку, натянула колготки и тут же сняла. Сходила в соседнюю комнату за платьем.

Возвратился Миша и, увидев меня во всем выходном прикиде, бросился обнимать, я отбивалась. Никаких чувств я не испытывала, впрочем, и стыда тоже. Впервые со мной случилось, чтобы мужчина овладел мною меньше чем за сутки. Вечером познакомились и в ту же ночь постель. Как Кирилл начал изменять, особенно, когда не стал скрывать своих отношений с Эльзой, я изредка позволяла себе развлечься. Физиология требовала, но таких скоропалительных романов не случалось. Михаил осмотрел меня и вынес приговор.

– В этом наряде на улицу не выйдешь. Над русскими здесь и так смеются за дорогую и не ко времени одежду. – Помолчал. – У тебя, конечно, больше ничего. Пошлю водителя, купит шорты и маечку. На ноги что взять?

– Обувь для меня проблема. Сама должна выбирать.

– Пойдешь в лодочках на одиннадцати сантиметровом каблуке?

– Ты знаешь, сколько они стоят!

– В них в клуб, на вечеринку, а не на улицу в жару.

Он достал мобильник, вызвал шофера и распорядиться насчет одежды для меня. Я тоже вынула из сумочки свою трубку и набрала Софью Михайловну. На дисплее светилось

отсутствие сигнала.

– Семерку впереди набрала? – спросил Миша.

– Не первый год замужем.

Он взял у меня трубку, пощелкал кнопками и вернул.

– Роуминга нет. Возьми мою, позвони, – протянул свой мобильник.

Я предупредила Софью Михайловну, что осталась в Переделкино у Норы и вернусь в понедельник. Она передала трубку сыну. Игорек спросил, когда пойдем в зоопарк, ответила, что скоро, посоветовала слушаться бабушку и вернула телефон Михаилу.

– Свекрови звонила? – догадался он. – А надумает звякнуть?

– Ей все равно, где я.

Миша сел завтракать, я присела рядом, налила себе кофе, взяла еще круассан, намазала вареньем, и, наконец, смогла внимательно рассмотреть своего ночного партнера. Он был моим ровесником или чуть старше. Тридцать – тридцать три. Высокий открытый лоб, свидетельствовал о неординарности ума, карие глаза и постоянная улыбка делали его привлекательным. Пьяна была, а разглядела, что не урод, красивый мужчина.

– Твой дом? – спросила, когда он перестал жевать и наливал кофе.

– Родители арендуют, пока строим свой в Антибе. Отсюда 40 минут на машине. Выбрали Антиб, где полно русских. Бе-

резовский, Бронштейн, Леонид Рожецкий, много знакомых.

– Рядом с ними твои не будут выглядеть бледно?

– Папа всё учел. Наш дом и парк величественнее и больше чем у Березовского. Сегодня увидишь. Проект перепланировки заказали у питерских архитектора и специалиста по парковому ландшафту. Дом почти готов, уже можно представить, как будет выглядеть к будущей весне, когда строители закончат все работы. Собирайся, поедем, познакомишься с предками.

Спросила, всех ли случайно знакомых дам, представляет родителям. Михаил объяснил, что давно хотел познакомиться со мной, еще на свадьбе с Кириллом глаз положил. Я не помнила его. С моим мужем, оказывается, знаком. Пока Кирилл не ушел, а я не стала соломенной вдовой, Михаил не решался подойти.

– Обязательно надо было напоить? Мог найти традиционный способ знакомства. Теперь за кого принимаешь? Любительница выпить, готова в первую встречу к мужику в постель. Я не такая. Кстати, не спросила: ты женат? – Михаил покачал головой.

– Разведен.

– Герл – френд есть?

– Ты ревнива.

– Вот еще! Про меня все знаешь, а я про тебя ничего. Про отца твоего слышала – олигарх в алюминиевом бизнесе, правая рука Чорного и Дерипаски, часто мелькает в телеви-

зоре, дача на Николиной горе. Тебя на тусовках встречала, но представлены не были. Тоже алюминием занимаешься?

– Алюминием тоже.

– А чем не тоже?

– Сотовой связью, совместно с фирмой «Сименс», Интернетом в самолетах.

Пришел водитель Борис и принес мне новую одежду. Шорты, майку, кроссовки «Найк», белые носки, шляпу от солнца и офигенные очки. В Москве они стоят не меньше пяти сот баксов. В спальне переделась, все оказалось на меня, словно сама выбирала. У меня стандартные размеры и все идет. Как раз были и кроссовки, а шорты просто блеск. Примерила итальянский купальник от Версаче. И он шит будто на меня. В меру открытый, в меру скромный. В Серебряном бору девки извелись бы от зависти. Поблагодарила Бориса за великолепный вкус. Одно омрачало. Мой черный бюстгальтер просвечивал сквозь белую майку. Может снять и пойти без него? Попробовала одеть голубой с белой чайкой от купальника, тоже просвечивает. Вышла к Михаилу, натянув майку на голое тело. Он увидел меня и захлопал в ладоши.

– Настоящий абориген! Не стыдно пройтись по Английской набережной.

– И родителям представишь в этом прикиде? Не пойду.

– Хорошо, пробежимся по здешним магазинам, прежде чем ехать. Выберешь, что по душе, хотя спортивный стиль

тебе идет. Поехали!

По пути он сыпал названиями улиц и площадей. Запомнила Гарибальди, площадь недалеко от дома. Покружили по узким и кривым улицам, выехали на широкую магистраль и остановились решить мои проблемы, Михаил привел в универмаг *Galerie Lafayette*. Взяли легкое открытое платье, бюстгальтер и босоножки за 99 евро. Я собиралась брать за 25 евро, Миша убедил взять эти от *Chanel*.

– В них принцессой Монако выглядишь. Отец будет в полном отпаде.

Пока примеряла платье, ему позвонили, и он долго разговаривал. Будь одна, застряла бы в шикарном торговом центре на весь день, но Михаил торопил на выход.

Уже на улице сказал, что звонил отец, приглашает на морскую прогулку. Нас ждут, следует поторопиться. Я все же настояла посетить косметический салон, привести в порядок голову. Мы прошли недалеко пешком и оказались на местном Арбате – улице Массена. Показалось, здесь я бродила с Кириллом, когда по пути из Сан – Ремо в Канны, останавливались в Ницце. Михаил отлично говорил по – французски и в косметическом салоне попросил за меня сделать что –нибудь с головой на скорую руку. Я, конечно, не поняла, что он сказал. Пообещав через час заехать за мной, исчез по своим делам. Едва он вышел, мастер на чистом русском спросила.

– Действительно, что-то на скорую руку, как сказал ваш

спутник, или приличную прическу сделать?

– На скорую руку? – переспросила я. – Ни в коем случае! Не привыкла на скорую руку. Вымойте и сделайте приличную укладку. И не спешите.

– Ваш молодой человек попросил уложиться в час. Не знаю, успею?

– Не торопитесь, я должна выглядеть хорошо. Мало ли что он сказал. Плачу я.

– Как говорят англичане, спешить не буду, но потороплюсь.

По моим обновкам – дорогому платью и босоножкам, браслету на руке, она вмиг оценила мою платежеспособность и старалась вовсю. Молодую мастерицу звали Натали, ее семья во Франции с 1920 года. Себя относит к четвертому поколению французских русских. Несколько раз бывала в России. Несмотря на небольшой французский прононс, говорила на литературном русском. Мы разговорились о моде, о косметике. Михаил приехал через полтора часа, к завершению укладки и похвалил. Уложенные в замысловатую прическу, волосы придали моему лицу аристократичность, платье и обувь делали из меня настоящую светскую даму, которой не стыдно показаться родителям моего похитителя.

– Принцесса, прямо! – воскликнул Михаил, покоренный моим новым видом.

– Повторяешься. Уже говорил.

– Постаралась, хотя к таким темпам работы не привык-

ла, – произнесла Натали по -русски. Михаил протянул ей три сотни и спросил:

– Достаточно?

– Я дам сдачу, – сказала она.

– Оставьте себе, – ответил Михаил и повел меня на выход.

В шоп – туре по магазинам он тоже не позволял расплатиться, везде платил наличными или предъявлял карточку. Мне это не нравилось, не привыкла быть зависимой даже в мелочах, и мы повздорили.

– Ты кто мне, муж? Любовник? Ни то, ни другое.

– Ты моя гостья.

В Ницце Халецкие снимали дом на границе старой и новой частей города. Все близко. Пляж, магазины, театр. Когда мы с Кириллом отдыхали в Италии и приезжали на Лазурный берег, Ниццы я не запомнила. Теперь с интересом смотрела по сторонам. Познакомиться с городом не удалось и на этот раз. Из -за задержки с прической, мы опаздывали в Антиб.

Спрятанный в глубине парка дом родителей Михаила, я увидела не сразу, он был окружен тенистыми аллеями, множеством цветочных клумб, перед домом, в солнечной радуге бил фонтан.

Особняк бывшего владельца был вычурным, мало приспособлен для жилья и приема многочисленных гостей. Поэтому родители и взялись за перестройку дома.

Михаил привел показать почти готовый первый этаж.

По мраморным ступеням мы поднялись в просторный холл с колоннами, в центре широкая лестница вела на второй и третий этажи. Осмотрели несколько гостиных, бильярдную, я заглянула в действующую ванную комнату с туалетом. Дальнейший осмотр прервал приход отца Михаила.

– Что ж ты прежде не заглянул к нам, не представил даму, а повел показывать не достроенный дом, – набросился он на сына.

Давид Осипович – настоящий светский лев с гривой седых волос, галантно поцеловал мне руки, и, взяв под руку, повел во двор к одноэтажному аккуратному домику, где меня встретила мама Михаила и пригласила к столу, накрытому к завтраку.

Инесса Серафимовна – молодящая особа неопределенных лет с гордой дворянской осанкой, держалась как знающая себе цену, чтобы не сказать, как королева. Дружелюбно улыбнулась мне, протянула руку, и я от волнения чуть не поцеловала, представив на секунду, что я на приеме у королевы, но вовремя опомнилась и слабо пожала. Она спросила, впервые ли в Ницце, что успела посмотреть. Я рассказала, что бывала проездом, ничего не видела, и спасибо Михаилу, привез показать город и покупаться.

– Жена сына Софьи Михайловны и Георгия Семеновича? – удивилась она, и сникла, услышав мое имя. – Михаил назвал вас родственницей Комаровских.

– Разве не родственница? – вступился за меня Михаил. –

Мама, пожалуйста, больше никаких вопросов к Лене. Упреждая дальнейшие расспросы, сообщаю: с мужем Лена давно не живет, развод в стадии оформления. Сменим тему.

Давид Осипович предложил что-нибудь выпить. Я спросила сок. Разговор зашел про общих знакомых, соседей по Жуковке. Родители хорошо знали Комаровских, были знакомы и с Валерием, первым моим мужем.

Миша шепнул, что отец с пониманием отнесся к моему приезду, а мама слишком старомодна, не следует обижаться на неё.

Я выпила сок, Михаил что-то поел и Давид Осипович напомнил, пора отправляться.

– Если на море, может, переодеться? – спросила я.

Инесса Серафимовна успокоила, переодеться не обязательно. На «Альбатросе» имеются пляжные принадлежности для гостей. «Альбатрос» – яхта, догадалась я. С собой взяла лишь купальник.

На борту нас тепло приветствовали ее хозяин Николай Семенович Быков и его супруга Вера Сергеевна, пара значительно моложе родителей Михаила. Давид Осипович представил меня как новую пассию сына. Я собралась уточнить, что лишь недавняя знакомая, но передумала, пусть буду пассивной. Плевать, что подумают. Конечно, в ближайшие часы Инесса Серафимовна выложил подружке всё, что знает про меня, а с Верой Сергеевной они подруги, я поняла с первой минуты после их жарких объятий и поцелуев.

Мне выделили отдельную каюту с противоположного от Михаила борта, мама побеспокоилась. Как он потом объяснил, предупредила, что не допустит в своем доме адюльтера сына со снохой хороших знакомых. Михаил пошутил, что мы не в доме, а на яхте в нейтральных водах, но Инесса Серафимовна шутку не приняла.

Все разделись и загорали на палубе, стюард и стюардесса в матросках разносили напитки, звучала меланхолическая итальянская музыка.

– Зайдем на небольшой частный остров, принадлежащий семье Бекасовых – нашим компаньонам, – объяснил Михаил. Анжела – их дочь с мужем живут в Жуковке, должна их знать. – Я кивнула, он продолжал. – Нас ждет барбекю из какой-то очень редкой рыбы. – Он что-то еще рассказывал о Бекасовых, я не слышала, рассматривая огромную красавицу – яхту, обходящую нас. Кто-то с нее махал рукой, мальчишка приставил развернутую ладонь к носу, дразнил меня. «Обставили вас». Меня это рассмешило.

Направляясь в открытое море, наша яхта шла вдоль восточного побережья полуострова. В огромный морской бинокль я рассматривала многочисленные дворцы и виллы, принадлежащие мировым знаменитостям и «новым русским», открывающуюся панораму Ниццы, залив Ангелов, с десятками небольших и величиной в целый теплоход, яхтами. Впервые видела Лазурный берег с моря. С каждой минутой «Альбатрос» все дальше удалялся от причала и вско-

ре открылся западный берег полуострова Антиб – Жуан-ле-Пен, знаменитая крепость на дальнем плане.

Высокое голубое небо, иссиня – бирюзовое море дополняли живую незабываемую картину, открывающуюся перед глазами. Волна счастья и непонятной радости переполняли меня. Хотелось кричать от радости: как хорошо! Редко, когда я чувствую себя так великолепно.

Подошел Давид Осипович, и отвлек от созерцания моря и далекого берега. Заговорили о красоте здешних берегов, что видела на Лазурном берегу, в каких музеях бывала. Сказала, что в Антибе только в музее Пикассо. В Монако, в княжеском дворце, в казино Монте – Карло, в Каннах в музее кино.

– В Антибе постарайтесь найти время посмотреть музей Наполеона и морской музей. Нигде больше нет такой богатой коллекции макетов старинных кораблей, картин на морские темы и разных предметов, связанных с морем.

Инесса Серафимовна позвала мужа, и прервала нашу беседу. Одна я оставалась недолго, подошел Михаил.

– Любуешься панорамой?

Яхта тем временем минула южную оконечность полуострова, и мы оказались в открытом море.

– Теперь можно посмотреть на Канны. Но вряд ли что увидишь, – заметил Михаил.

Держать в вытянутых руках тяжелый бинокль я скоро устала и отдала его Михаилу.

– Пойдем, присоединимся к родителям.

Родители Михаила, несмотря на возраст, в купальном одеянии смотрелись еще ничего. Давид Осипович по утрам бежал, в каждом доме имел спортзал и бассейн. Инесса Серафимовна держала нескольких массажистов, собственного косметолога и спортивного тренера – врача. Подробности выложил мне Михаил, когда мы улеглись загорать на водяных матрасах. Много лет назад слушала бы его, раскрыв рот, теперь не удивлялась. Массажистка и ко мне приходит, когда позову. В состоянии нанять врача – тренера и приобрести всё, что позволяют себе Халецкие. Конечно, у меня нет их миллионов, но и не мне жаловаться на бедность. После исчезновения Валерия – первого мужа, я осталась богатой вдовой. Квартира с обстановкой в Люблино потянет на два миллиона баксов с хвостиком, дом в Жуковке, оценен в три миллиона. В последнее время ощутимый доход приносит салон модной одежды, принадлежащий мне. От желающих купить его, нет отбоя. Хоть сегодня могут взять за восемьсот тысяч. Надумаю заняться другим бизнесом, надеюсь, сторгуюсь и за миллион.

Валерий приучил держаться на равных в любой компании, ощущать себя независимой. Сейчас, наслаждаясь приятным легким ветерком, несущим горячий воздух с арабских берегов, комфортом, окружавшим меня, подумала, а ведь и я могу купить яхту. Не такую огромную, но вполне удобную, чтобы пригласить подруг с мужьями и любовника-

ми. Года три назад, после отдыха в Италии, я завела с Кириллом разговор о яхте где-нибудь в Крыму или на Средиземном море. Кирилл не возражал, но ставил условие, чтобы всеми проблемами с будущей яхтой я занималась сама. Он слишком занят и ему не до яхты. «Хочешь яхту, давай купим, но меня не будешь напрягать решением многочисленных проблем, что будут постоянно возникать».

В те дни я занималась перестройкой салона и открытием бутика. Отец Кирилла открыл неограниченное финансирование, и вся организационная работа легла на мои плечи. Понятно, я наняла дорогого дизайнера, пригласила модного архитектора, работы поручила известной строительной фирме. Кому заниматься салоном было, однако и мне оставалось дел через край. Крутилась с утра до позднего вечера. Кирилл жаловался, мало уделяю ему времени, подруги обижались, перестала посещать девичники и посиделки. С детства привыкла любую работу делать добросовестно и вникать во все мелочи, требовала, чтобы нанятые помощники точно выполняли мои пожелания. Так что, и мне было не до яхты еще. К тому же у двух близких подруг яхты имелись. В Севастополе пришвартована яхта Ольги, у Ланы в Пирее, в Греции, и при желании, я с Кириллом или любовником, могли воспользоваться чужим гостеприимством. Против собственной яхты был и Георгий Семенович. Считает, не имеет смысла для трех – четырех месяцев в году держать собственную яхту, выгоднее снимать, брать напрокат.

Ине́сса Серафимовна тем временем поднялась и пошла в бассейн. Михаил, воспользовавшись отсутствием матери, принялся уговаривать пойти к нему в каюту, посмотреть, как устроился. Я ответила, что не любопытна и предпочитаю позагорать на палубе.

– Пошли, пока маман нет. Умираю, как тебя хочу.

– Это уже слишком. Насколько помню, не давала повода к такому предложению. За кого принимаешь? – возмутилась я. – Силком посадил в самолет, приволок в свой дом, воспользовался, что не в себе, изнасиловал. Кирилл узнает – обоих убьет.

– Никто тебя не насиловал. Рассказывай! И Кириллу наплевать с кем ты. Отлично знаешь.

– Знаю. В эти минуты где-то в Штутгарте или во Франкфурте с Эльзой.

«А Михаил ничего! Не знаю, правда, какой он любовник. Если ночью у нас что-то было, ничего не помню. Возможно, и не было. Неужели, уважающий себя мачо, позволит себе изнасиловать женщину в полной отключке? Посмотрим, как сложатся наши отношения, когда вернемся в Москву.

Откровения, которыми начинают воспоминания

В грустный предновогодний день, я решила вычеркнуть из памяти, с чем жила, и начать жизнь с чистого листа. Дала себе слово с понедельника, или первого числа начать новую жизнь, По утрам делать физзарядку, бросить курить, завязать с бесперспективными интрижками, выйти, наконец, замуж. Не однажды принимала решения, но всегда откладывала. В этот раз, в середине июля, после встречи с Михаилом, наконец, решала воплотить многократно переносимые планы в реальность, и

полностью покончить с прошлым.

Время от времени, я записывала свои приключения, разговоры с подругами, размышления о них и моих любимых, что – то наговаривала на диктофон или отстукивала на компьютере. Фотографии, мои, и присланные друзьями, заполнили столько альбомов, что не помню все, кроме как в гостинной, еще стопками пылились в кладовках. Теперь, со всеми напоминаниями о жизни, которую собираюсь изменить, предстояло что-то делать. Первая мысль пришла – всё сжечь, размагнитить записи.

Неожиданно стало жаль так бесповоротно расстаться с прошлым, запомнилось ведь и много прекрасного. Со-

образила, собранные в хронологическом порядке, мои записи – это история становление деловой женщины начала XXI века. Возможно, кому-то она покажется интересным, а может и полезным. Например, мечтательницам, черпающим знание мира из глянцевого журналов, и читательницам, жалующимся на неудавшуюся жизнь. Сегодня среди участниц московского бомонда нет ни одной, не издавшей тонкой или внушительной книжонки с фотографиями и без, Кстати, и мне неоднократно предлагали написать историю становления бедной самарской девчонки в светскую даму, владелицу престижного в Москве салона модной одежды.

Попросила двоюродного брата – журналиста, найти приличного литературного раба. К удивлению, он сам согласился, даже без всякого вознаграждения взяться писать за меня книгу. И написал историю моих приключений. Женщины не бедной, удачливой в делах и не очень счастливой в личной жизни. Воспоминания, как предала своего первого возлюбленного и вышла замуж за богатого «нового русского». Через три года, при загадочных обстоятельствах он исчез, потом вышла замуж за сына олигарха. После нескольких лет, казалось бы, счастливой жизни, второй муж оставил меня... Жизнь в престижной Жуковке в Подмосковье, общение с людьми нового круга, и я влюбилась в очередного богатого поклонника, из семьи олигарха. Всё шло к свадьбе, но неожиданно...

К нашему удивлению, рукопись получилась интересной

и легко читаемой. Брат дал почитать знакомым критикам и встретил положительный отзыв. Мне тоже содержание понравилась искренней оценкой, сочетанием правдивых событий – приличных и не очень, описанием моей жизни без прикрас. Оставалось отвезти рукопись в приличное издательство, как меня осенило, а на фига ко всем моим проблемам еще собственная книга с жизненным стриптизом. Сказала брату: убери, пожалуйста, ряд эпизодов, измени имена героев и героинь, чтобы не просматривалась явно моя биография. Автором укажи себя.

Он принялся убеждать остаться автором мне, написано ведь от моего, женского имени. Объяснял, у женских романов своя читательская аудитория, откровениям женщины поверят скорее, нежели сочинению мужчины. Я категорически отказалась, угрожая забрать рукопись и уничтожить.

Объясняла, автором должен быть он, повествование можно оставить от имени женщины, такое встречается у авторов – мужчин. В итоге он так и поступил, оставил историю от имени героини – Елены Комаровской. Многих личностей из столичного бомонда конца девяностых и начала нулевых годов, читатель узнает, хотя имена реальных персонажей, конечно, изменены.

* * *

Сутки не прошли, как познакомилась с Михаилом. Баб

у него, думаю, немало. Почему выбрал меня? Пусть побега-ет. С Кириллом уже не склеишь, развод проблема ближай-шего времени. Даже если оставит Эльзу, приползет на коле-нях, жить с ним не буду. Сама подам на развод. Останусь одна до конца жизни, если не заберу Ваню от жены. Он все еще любит меня, уверена. За олигархов и их сыночков замуж больше не пойду. Сама миллионерша. Выходит, нет смысла окучивать Михаила. Прыгать к нему в постель не собираюсь. Переспать ради спортивного интереса можно, но не так ско-ро, с лёта. Останемся друзьями, а там будет видно».

Надо отдать должное Михаилу, на мою неуступчивость не разозлился и продолжал оставаться милым и предупреди-тельным. Мы лежали, загорая рядом, говорили о последних романах Пауло Коэльи. От жары скоро стало невмоготу, и я потащила его в бассейн. Он оказался совсем небольшим – метров семь в длину, у меня во дворе больше. Вода изуми-тельная! Михаил объяснил, что при желании, в любом ме-сте можно бросить якорь, спустить трап и купаться в откры-том море. Бассейн просто для развлечений, освежиться по-сле бани, не теряя времени на остановку. Долго плескаться в голубой воде нам не дали, пришел стюард и сообщил, что родители ждут нас в столовой.

Жены преуспевающих Рублевцев

Зал местного ресторана «Царские радости» напоминал интерьеры незабвенной «Санта – Барбары». Флористы и декораторы украсили его розами и тюльпанами, ромашками и лилиями. Колонны обвивали искусственные лианы и живые ветки цветущего кустарника. Ольга решила превратить ресторанный зал в копию своей оранжереи. Помогла хозяйка салона цветов в Раздорах Надя Новикова. К естественным запахам флористы прибавили еще парфюма. В итоге создавалось впечатление, что ты в вечернем саду, когда запахи особенно загадочны и сильны. Дорогие французские духи дам, меркли перед этим искусственным, ни на что не похожим, запахом. Гости – холеные мужчины и женщины, заходили в зал, целовались и обнимались с присутствующими, сыпали комплиментами.

Ольга отмечала тридцатитрехлетие. В коротком белом платье на бретельках, с высоко открытой грудью и бриллиантовым колье на шее, прикрытой кружевной прозрачной пелериной, она походила на невесту. Не хватало лишь фаты на умопомрачительном сооружении из светло – русых, с медовым оттенком, волос на голове. Муж сорока девяти летний олигарх, то и дело бросал на нее восхищенные взгляды, поворачивался к гостям с гордым видом, вот какая у меня молодая и красивая жена! Она и впрямь была красавица. Высо-

кая, стройная, давала сто очков вперед бывшим и нынешним топ – моделям, подругам, приглашенным на день рождения.

С Николаем Петровичем Ларионовым Ольга познакомилась в Швейцарии, куда приехала переводчицей у первого заместителя Вольского – Председателя Совета промышленников. Она только – что разошлась с мужем – ученым. Он оказался не в состоянии создать достойные её условия существования. Жизни, о которой мечтала, с которой постоянно сталкивалась, сопровождая иностранцев в ночные клубы и казино, на выставки и презентации. После Университета Ольге посчастливилось устроиться в «Интурист», и она зарабатывала больше мужа, от богатых туристов перепали дорогие подарки. Муж Валентин преподавал в двух ВУЗах, а они продолжали жить, по словам Ольги, в нищете. Быт с первых дней замужества подтачивал любовь, ярко вспыхнувшую на последнем курсе между студенткой и преподавателем. Любовь медленно сходила на нет. Ольга не заметила, как, однажды, уступив ухаживаниям преуспевающего красавца – промышленника из Штатов, приехавшего облапошивать русских, не стала отказывать и другим богатым иностранцам, домогавшимся её. К этому времени уже не водила группы туристов по музеям, а работала по индивидуальным заявкам фирм и представительств, которые не хотели или не имели возможностей держать переводчика в штате. В Куршевеле ее заметил преуспевающий «новый русский», как оказалось, олигарх. Банкир, на жизнь старше её,

сделал своей любовницей. Ольга вскоре сообразила, что папика можно и окольцевать. Не знала, что у него куча детей, и он продолжает заботиться о своих прежних семьях.

Муж – ученый узнал об изменах жены, и они тихо развелись, Ольга переехала к родителям, в надежде на замужество с Николаем Петровичем. План удался.

Прошли первые счастливые годы беззаботной жизни, и Ольга начала тяготиться папиком. Сказывалась разница в интересах и возрасте. Как-то, в минуту бурного выяснения отношений, она заявила, что заберет Эдика и уйдет. Как муж вспылил! Грозился не отдать сына, что сотрет в порошок, что любит ее, как никого в жизни не любил. Однако изредка изменял Ольге. Она тоже теперь не терялась, когда представлялся случай. Так они и живут восьмой год, соблюдая статус-кво.

Всех этих людей, что собрались сегодня в ресторане, встретишь на экономическом форуме в Давосе или на горнолыжном курорте Куршевеле, в Каннах, – прокомментировала строгость охраны Маша.

Николай Петрович опасается за свою жизнь, и где бы ни появлялся, предпринимал беспрецедентные меры безопасности. Посети вдруг вечеринку Президент, охраны в ресторане, наверняка, было бы меньше. Приглашения проверяли при входе, затем в зале. Люди из охраны постоянно бродили среди гостей, мешали танцующим.

Блиzkих подруг: меня, Машу, Лилю и Женю, всех с му-

жьями, Ольга посадила близко к себе, чтобы иметь возможность общаться. Родители и родственники разместились далеко от юбиляра. Кирилл ради мероприятия оставил свою немку и сидел рядом, ухаживал за мной, как добропорядочный муж. Посмотришь на нас, и не поверишь, что давно не только не спим вместе, но и не живем под одной крышей.

Стол ломился от всевозможных деликатесов, батарей напитков. Гости долго ожидали команды Николая Петровича. Дождавшись, когда все, наконец, расселись, обменялись впечатлениями, муж Ольги встал. Поблагодарил гостей, оставивших дела, чтобы поздравить его жену, и объявил тост за новорожденную.

Гости лениво начали вставать, гремя стульями, выпили; обменялись взглядами с Ольгой и взялись за еду. Десяток официантов с подносами забегали взад – вперед, меняли тарелки, приносили новые блюда. Мужчины из окружения Николая Петровича завели разговор об инвестициях и прибыли. Выбившийся из грязи в князи, Ольгин муж не знал, где и о чем следует говорить. Я про себя отметила, в семье Кирилла никогда за столом на званых обедах не заводили профессиональных бесед. Говорили больше о горных лыжах и европейских курортах, собаках и машинах, одним словом, обо всем, что интересовало присутствующих, и все могли принять участие в беседе.

Пока мужчины продолжали решать экономические проблемы, спорили, долго ли еще евро будет обгонять доллар,

мы с подружками обсуждали, кто во что одет. Маша, больше нас читающая, вдруг сообщила ошеломляющую, как посчитала, новость.

– Девчонки, вы знаете, что все женщины по типу делятся на четыре времени года? Весна – блондинка Ольга, наша рыжеволосая Женя – осень, Лиля брюнетка – зима. Елена, с ее светло – пепельными волосами и зелеными глазами – лето.

– Какая я рыжая? – возмутилась Женя, перекрасившая на днях волосы.

– Ладно, будь каштановой – все равно осень. Так вот, слушайте, подбирать одежду следует в зависимости от цвета волос, типа кожи лица и общего облика, соответствующего вашему времени года.

– Вау! Открыла Америку! – перебила её Лиля.

– Разумеется, каждая из нас подбирает то, что больше идёт. Но англичане разработали научный подход в этом вопросе. Называется он «relooking» – пересматривать внешность и стиль заново. Ошибка брать вещь, которая нравится сама по себе, а не в комплекте с цветом и типом лица.

– Релукинг различает четыре цветовых типа женщин: теплые – весна и осень, холодные – зима и лето. На первый взгляд, типаж виден сразу, на самом деле все не так просто.

Лиля перебила словоохотливую преподавательницу, привыкшую читать лекции, делиться прочитанным.

– Спасибо. Всем нам определила время года. Цвет лица, что-то новое, – не сдалась Лиля. – Не только цвет, но и осо-

бенности разреза глаз, строение губ и носа, – все это любая женщина учитывает, приобретая себе одежду. Твоим англичанам нечем удивить людей, вот и придумывают заумные объяснения. По темпераменту я никак не соответствую зиме, скорее, как Ольга «весна».

– Тоже по темпераменту весна, а не осень, – обиделась Женя.

Я не приняла всерьез классификацию Маши, и не знала, соглашаться, что отношусь к лету, или нет. Все мы постоянно сексуально озабочены и должны бы относиться к весне.

Маша, пояснила, что темперамент не принимается во внимание, и продолжила цитировать, почерпнутое из книги.

– «Relooking» утверждает, к лицу подходит не просто цвет как таковой, а его оттенок. Правильно подобранный оттенок, молодит на 15 лет, – считают англичане. Если кожа имеет теплый цвет, медовый оттенок, а ты наденешь одежду холодных тонов, вид будет усталый, станешь выглядеть старше своих лет.

– Заблуждение считать черный цвет универсальным, подходящим всем. Он идет очень мало кому. Лишь холодная женщина – «лето» может смело одеваться во всё черное. Ле-не черное идет. А если ты, Оля, захочешь надеть черное, то постарайся оживить себя цветными аксессуарами, ярким шарфом, бижутерией.

– Заумь какая-то! Черное всем идет, блондинке в первую очередь, создает контраст, – вынесла свой приговор Женя. –

Как я определяю, какое у меня сегодня лицо – холодное или теплое? А цвет! Его оттенки меняются от настроения в течение дня и ночи много раз. В зависимости от крема, масок, водных процедур. Что говорить про актрис, когда они всегда накрашены, загримированы!

– Девочки, я тоже слышала о разработках англичан, – вклинилась в спор, долго молчавшая Ольга. – Моя визажистка рекомендовала салон Веры Поскребышевой. Она член Британской федерации специалистов по релукингу. Консультирует по имиджу, индивидуальному подбору одежды. Обещала найти ее телефон. Что касается черного, я солидарна с Женей. Мне всё черное идет.

– Послушайте лучше, что предлагает Лида Петрова. Вчера в ресторане «Веранда у Дачи» пристала к нам с Варей.

– Какая Петрова? Толстая старушка, что когда-то вела на телевидении заумную передачу? – переспросила Лиля.

– Она. Уговаривала записаться в «антивозрастную группу» на ее тренинги «Уметь радоваться». Я ей: нам до тех «Кому за сорок» еще далеко. Тогда, говорит, приходите на эротический семинар «В сексе главное – близость, а не оргазм». Считает, всем нам для полноценной сексуальной жизни необходимо посещение семинара.

– Лиде есть чем поделиться. Муж на 40 лет моложе, – заметила Лиля.

– Будь старше, полюбопытствовала бы, – подключилась к спору Ольга.

– Книг на эту тему тьма, – снова заговорила Маша. – Кто желает просветиться, приходите, подберу. От маркиза де Сада до Кама сутры.

Эта светская болтовня, как считали мои подруги – богатые бездельницы, могла тянуться часами. Мне она быстро надоедала, если не слышала для себя полезного или по-настоящему нового. Все гламурные и косметические издания я просматривала. Не читала, правда, как Маша, от корки до корки, но в курсе новостей была.

Маша, коренная москвичка, кандидат наук, преподавала социологию в МГУ. Поглощенная наукой, до двадцати девяти лет не торопилась замуж. Любовников имела с первого курса, но в отличие от подруг, спешивших выскочить замуж, целью поставила защитить кандидатскую, возможно и докторскую, а уж потом думать о создании семьи. План претворяла. Работая уже над докторской, познакомилась с сорокалетним профессором Валентином Морозовым и впервые по – настоящему влюбилась. Заставила развестись с женой и женила на себе. Через год родила очаровательную Вику. Муж, будучи проректором института, в перестройку сколотил приличное состояние, позволившее оставить первой жене квартиру и авто. Себе с Машей приобрел современный таунхаус с небольшим участком в Жуковке – квартиру и дачу в одном флаконе, как окрестила свое жилище Маша. От молодой жены потребовал всю себя посвятить ребенку, забыть о докторской диссертации. Праздная жизнь, ту-

совки, шопинги с подругами пришлись Маше по душе, она перестала мечтать о возвращении к преподавательской работе. Валентина любила, но от прежней привычки менять мужчин, отказаться не смогла. Уже на третий год совместной с ним жизни, завела первого любовника. Вечеринки, ночные клубы, посещать которые Валентин Алексеевич не любил, собственный «Ситроен» способствовали все новым и новым знакомствам.

Сама Маша доброй души человек, всегда помнит и заботится о других. Сегодня первая спросила о здоровье моей мамы, попросила передать привет и сказать, что молилась за её исцеление. Она искренне сочувствует мне, следит за ходом болезни мамы, была у неё в больнице. Подруги знают, что я привезла из Самары маму и положила в Каширку с диагнозом рак.

В Москве диагноз подтвердили. Из бесед с врачами, я знала, надежды на выздоровление нет. Постоянно ездила к маме, разговаривали по телефону много раз в день. Вопрос Маши напомнил, что сегодня не нашла время съездить.

С большинством сегодняшних подруг я познакомилась, когда еще не жила в Жуковке. Переехав в Москву, Валерий, без оглядки ринулся в московскую светскую жизнь, увлекая и меня. Без проблем вписался в завсегдатаи московских тусовок, мне было сложнее. В Самаре я вела скромный образ жизни, кроме дискотек и нескольких ночных клубов нигде не бывала. В Москве каждая новая тусовка прибавля-

ла знакомых, а затем и подруг. Своим капиталом и связями с сильными мира сего, Валерий не уступал мужьям новых подруг. Вопреки ожиданию, к нам отнеслись доброжелательно и приняли в свою среду. Позже поняла, чем поселки и дома ближе к знаменитому шоссе, тем их жители демократичнее, точнее, – без спеси своей принадлежности к элите и старой интеллигенции. До Ельцина в этих краях селиться не разрешали, и большинство рублево – успенского народа живет здесь сравнительно недавно, к новоселам относится в зависимости от их счета в банке. Иное отношение у старожилов Николиной Горы, Архангельского или Переделкино, где, прежде чем остановиться на Жуковке, мы с Валерием выбирали себе загородный дом.

Первое время за спиной меня частенько называли провинциалкой, хотя большинство обитателей элитных поселков тоже родились не в границах Садового кольца, а москвичи в первом поколении. Ворвались в большой бизнес или во власть, и поторопились приобщиться к новой элите. Приезжим это часто удается легче, чем москвичам, денег немерено, могут позволить себе купить самую дорогую в мире землю, а то и готовый дом на Рублево – Успенском шоссе.

До Жуковки мы приобрели квартиру в городе. Не в центре ради престижа, как советовали нам, а в новом доме в Люблино на берегу восхитительного пруда. Вокруг много зелени, рядом старинные парки с прудами и озерами, речушка Пономарка. Места эти, когда -то принадлежали графу Голи-

цыну. Валере очень понравилось все вокруг.

Бывая в гостях у новых подруг на дачах, точнее в загородных домах, я загорелась идеей и нам построить дачу где-нибудь рядом с лесом, речкой в престижном пригороде.

– Мы, разве не в пригороде? Тишина, чистый воздух, тридцать минут и в центре, долго колебался Валерий, решая начать строить или приобрести готовый особняк, что слишком дорого. В итоге раскошелился, и купили приличный дом в Жуковке с небольшим участком. Встал вопрос – сохранить теннисный корт или удлинить бассейн. Ни я, ни Валера в большой теннис не играли, только в пинг-понг, остановились на бассейне.

...Начались танцы, и я пригласила Кирилла, необходимо было поговорить. Он с видимым удовольствием встал из – за стола, наклонился надо мной, отодвинул стул, помог подняться. Всем своим видом муж демонстрировал самое заботливое и трепетное отношение ко мне. Счастливейшая пара!

Оркестр играл старую медленную мелодию и, танцуя, можно было разговаривать.

– Как будем жить дальше? – спросила я.

– Что имеешь в виду? – Кирилл прикинулся не понимающим.

– Женишься на Эльзе, или родители ее не позволят?

– Ты вот о чем! Тему обсуждали, я люблю вас обоих и не смогу без тебя. Было бы принято в обществе иметь двух любимых! – произнес мечтательно, и я не поняла – шутит,

или серьезно. – Жили бы все вместе в мире и дружбе.

– Оформим развод – переходи в ислам. Нынче модно. Дальше я так не могу, вся Москва чешет языки о наших отношениях. Кто я не понятно, соломенная вдова, брошенная жена и невестка олигархов, которым наплевать на общественное мнение?

– Ты моя любимая жена! Никому тебя не отдам! А с Эльзой... Может, пройдет у меня. Не в силах перебороть себя. Понимаю, ставлю тебя в неловкое положение.

Определенно, он не желал серьезного разговора.

– Отпусти меня и женись на Эльзе, все проблемы решатся. Я тебя больше не люблю, и Эльзу не прощу. Останемся друзьями. Родители твои успокоятся, будут рады породниться с могущественным семейством.

– Если бы все так просто! Не дам я согласия на развод.

– Извращенец! – возмутилась я, и перевела разговор на другую тему. – Утром, поедем к маме? Давно тебя не видела, спрашивала.

– Завтра у меня весь день занят, ни минуты свободной.

– С мамой встретиться стыдно, вот и придумываешь отговорку.

– Два дня назад вместе ездили. Бывать в больнице не люблю, знаешь, а завтра, правда, работа.

С Кириллом необходимо что-то решить

Оставаться соломенной вдовой и давать повод окружающим чесать языки о наших непонятных отношениях, надое-ло. С Кириллом надо решать. Знакомые постоянно интересовались, спрашивали о планах. Лана советовала гнать Кирилла в шею, другие убеждали терпеть, все равно лучшего отца Игорю не найду, а он поблядует и вернется.

Валерий оставил состояние, позволяющее вести безбедное существование. У меня свое дело, я молода, энергична, сидеть без дела не привыкла. Тридцать только – что исполнилось, меня осаждают мужики. Выйти замуж в третий раз не проблема, но сказала себе: всё! Никаких замужеств!

Кирилл тем временем опять был в Германии. Когда я пришла к его родителям за Игорьком, мать сообщила, что звонил Кирюша и сказал, дела фирмы задерживают еще недели на две.

– Ценю вашу деликатность, Софья Михайловна. Прекрасно знаете, какие дела задерживают, Эльза, – ответила я.

Мама Кирилла обняла меня, прослезилась.

– Ума не приложу, что делать с ним. Окрутила немка! Стыд и совесть оба потеряли. Ты знаешь, как мы любим тебя, Игорька. И он тебя любит, а сам...

– Я предлагала разойтись. Не хочет! Говорит, люблю тебя. Успокаивает, что наваждение пройдет, оставит её. Мне ждать? Сколько? Женщина я самостоятельная, вы знаете, не бедная. Подниму Игорька и сама, без его помощи. Будем разводиться, другого выхода не вижу. Соседи смеются, дважды соломенной вдовой зовут.

– Леночка, не спеши, потерпи немного. Отец послезавтра летит во Франкфурт, поговорит с ним серьезно и привезет. Мы сами не понимаем сына. До двадцати пяти девушки его не интересовали. Беспокоиться начали за сексуальную ориентацию. Еще учился в Академии, весь был в отцовских делах, а получил диплом, полностью погрузился в дела. Сколько красавиц – дочерей наших друзей бывали в доме, пытались познакомить, так и не выбрал никого. Не понятно, как ты околдовала. Обещай в ближайшие дни не предпринимать никаких шагов с разводом! Подожди еще немного.

Я забрала Игорька, посадила в машину, и в семнадцатый раз за последний год поехала в зоопарк. В дороге Игорек рассказывал сказку про Маленького Мука, которую прочитала бабушка, а я отдалась своим мыслям. Сын понял, сказка меня не интересует и начал приставать с разными вопросами. Спрашивал, а где папа. Что я могла ответить? Сказала, уехал по делам. Работает, пришлось объяснить, что мужчина должен часто уезжать из дома. На его вопросы, отвечала не всегда по делу, часто невпопад. Мысли занимал вопрос, который задавала себе не в первый раз. Сколько еще

терпеть двусмысленность отношений с Кириллом? У меня есть гордость. Сегодня же позвоню Науму Михайловичу, нашему юристу, посоветуюсь.

У зоопарка долго искала место, где припарковаться, хотя знала все подъезды и переулки вокруг. Игорек нетерпеливо тащил к зверям. Только поставила машину, рядом оказался сержант, козырнул и спрашивает:

– Вы не видите знака «Стоянка запрещена»? – Настроен агрессивно, видно недавно из деревни, со злостью относится к владельцам иномарок. Объясняться бесполезно, я сразу открыла сумочку, достала купюру в пять баксов, и вместе с документами протянула милиционеру. Сержант внимательно посмотрел на меня, соображая, что за дамочка, не подстроит ли чего. Осторожно вынул купюру и вернул документы.

– Пожалуйста, не больше часа. Я скоро сменяюсь, другие обязательно составят протокол.

Я улыбнулась ему, схватила Игоря за руку и потащила к кассе.

– Посмотрим, как кормят тигров, – попросил он, и я покорно повела его к вольерам с хищниками. Сын угадал, у зверей было обеденное время. Вокруг клеток толпиться взрослые и дети, наблюдая, как облезлый тигр терзал тушку какого-то животного. Мне противна эта жестокая картина, протолкнув Игорька к самой решетке, смотрела только на него, чтобы не перевалился через ограждение. От тигров пошли кольвам. Не люблю я зоопарк, жалею бедных зверей, томящих-

ся в неволи.

– Птичек сегодня смотреть не пойдем, – объявил сын. Я вздохнула, слава богу, можно возвращаться. В зоопарке проторчали не час, как собиралась, а все два, и сержант, что милостиво разрешил стоять под знаком, сменился. У машины меня ждали два других милиционера.

– Мы вызвали эвакуатор, – встретил с улыбкой старший из них.

Вступать в пререкания себе дороже. Вытащила зеленую десятку и протянула им.

– Приедут эвакуаторы, – передайте на горячее.

– Будем составлять протокол, – произнес второй, подержал в руках купюру и вернул. Видимо, десятки на двоих показалось мало.

– Ребята, у меня с собой больше нет. – Я быстро спрятала портмоне. – Если мало, поехали в отделение. Там составим протокол.

– Ладно, давай! В следующий раз так легко не отделаешься.

Приглашение ехать разбираться в отделение, как правило, отрезвляло мздоимцев, и я часто пользуюсь таким приемом. Помог и в этот раз. Милиционеры взяли десятку и посоветовали быстрее сматываться, заодно выучить дорожные знаки.

Дома я накормила Игорька и уложила спать, сама тоже легла в надежде заснуть. Сон не приходил, мысли о разводе не оставляли. Ну, разведусь, дальше что? Опять, как после

исчезновения Валерия, оставаться одной или выскочить снова замуж? Нет, замуж больше не заманишь! Вспомнила вчерашнюю статью в женском журнале, автор призывал влюбленных не торопиться регистрировать свой брак, доказывал преимущество свободной любви. Можно жить вместе, или регулярно встречаться. Верность без гарантий и преданность без обязательств. Главное, не изменять друг другу. Делить постель, радости и печали, может вместе вести дом, отдыхать, посещать всякие тусовки, не отказываясь от мечты, что лучшая жизнь и большая любовь еще впереди. В поддержку мысли приводилась цитата из Ремарка «Жизнь слишком коротка для одной любви». Согласна с Ремарком. Коротка! Попыталась вспомнить, из какого романа выдернута цитата, и не вспомнила, хотя сравнительно недавно прочитала все его романы, что были у Комаровских – старших. Ремарк прав, свободная любовь привлекательна, однако, отношение окружающих к замужней женщине и свободной совершенно разное. Заметила, как сократились приглашения на семейные торжества и вечеринки, когда ушел Кирилл. Оно и понятно, хозяйки тревожились за мужей. Софья Михайловна, вероятно, права, спешить с разводом не стоит. Полезнее оставаться в статусе соломенной вдовы.

Кирилл, понятно, ведет себя хамски, не скрывая увлечения немкой. Я лучше, изменяю ему, не афишируя? Любопытно, выйди я замуж по любви за Ваню, возникали бы желания познать другого мужчину? Вопросы, вопросы... Мама

или кто-то из самарских подруг, получи возможность прочитать мои мысли, сказали бы – с жиру бесится! Жила бы от зарплаты до зарплаты, как большинство людей, работала, не оставалось времени на самокопание. Но я работаю! В салоне у меня два десятка человек. Работаю сама и другим даю работу. Не тунеядка, как Ольга или Лилька, не сижу на шее мужа, сама зарабатываю. Им всё не нравится в окружающем мире, а я не довольна лишь собой. И виновата сама! Не послушалась зова сердца, уступила настояниям мамы, предала Ваню. Вот и расплачиваюсь за свою ошибку.

Не ответив себе ни на один из мучивших вопросов, я задремала. Приснился Валерий. Он признался, что выполняет секретное поручение, от результата зависит судьба России, всего мира. Потому не вправе позвонить и предупредить, что исчез на некоторое время. Кирилла, сказал, прощаю, брак с ним аннулируем, пусть женится на Эльзе, Игоря усыновлю. В самый интересный момент, когда Валерий собрался все же рассказать, что за поручение выполняет, и когда его ждать, разбудил Игорек.

– Мам, кончай ночевать! – задергал он, приговаривая любимое выражение Софьи Михайловны «ночевать».

Я посмотрела на часы. Половина пятого. Около часа дремала. Пожалела, что не досмотрела сон. Приснится же! Фильмы про разведчиков и фантастику давно не смотрела, не люблю. Ученые утверждают, сон отражает события реальности. Какая тут реальность и как понимать сон? Валерий

давно не снился. Спрошу Машу, она всё знает. Запел мобильник. Мама спрашивала, приеду ли к ней вечером.

– Как себя чувствуешь? – спросила я.

– Все также. Скоро освобожу от лишних забот.

– Зачем ты так, мама! Понимаю твои страдания, тебе плохо, но зачем вымещать на мне! Утром была у тебя. Завтра приедем с Игорьком. Сегодня возможно Софья Михайловна с Георгием Семеновичем заедут. Они собираются в Чертаново.

– Чувствую, Алена, сегодня – завтра всё кончится! Совсем плохо.

Игорек подошел и попытался вырвать трубку, она упала, я подняла, стукнула его по руке.

– Я с бабушкой больной говорю. Садись кушать.

– Хватит говорить. Обещала, после дневного сна пойдём в гости к Саше. У него новая игра, сказал по телефону.

– Пойдем, только вначале творожок съешь и сок выпей.

– Не хочу кушать! – закапризничал сын. – Перед сном кушали.

– У бабушки с дедушкой после сна тебя не кормят? Пока не съешь творожок, тут всего две ложки, никуда не пойдём.

Продолжая говорить с мамой, другой рукой доставала из холодильника творог, сметану.

Замучила мама звонками и всегда в самое не подходящее время. Соседку ей в палату перевела разговорчивую, чтобы было с кем коротать время, телевизор привезла. Плачу сест-

рам и нянечкам, и надо отдать им должное, все они терпеливо выполняют ее капризы. Сама бываю каждый день, а иногда и два раза, хотя ехать из Жуковки в Каширку не ближний свет, и по пути психую в десяти пробках.

– Завтра приходи без Игорька. Поговорим напоследок серьезно. Откладывала этот разговор всю жизнь. Потом привезешь священника, пусть исповедует. Марья Васильевна, соседка по палате, убедила причаститься, попросить прощения за земные грехи. Их у меня, не представляешь, сколько!

– Причащаться рано. На кой тебе священник – всю жизнь была воинственной атеисткой. – Мама не дала договорить, перебила.

– Так воспитали. В душе всегда верила, есть кто – то выше нас, кто всем распоряжается на земле.

– Мама, перестань! Вчера только с заведующим отделением разговаривала. Не всё так плохо. Рано думать о причастии.

– Так и не вселив в мамино сознание оптимизма, мы попрощались.

– Игорь похныкал и, давась, всем своим видом показывая отвращение, съел творог, к булке не притронулся. Кое-как уговорила выпить чашечку сока, и начали собираться в гости в соседний дом к Варе. Её Сашке тоже три года и мальчишки, едва научились говорить, постоянно звонят друг другу, часами занимают телефон. Благо у всех нынче еще мобильники.

Позвонила Варе, спросила, ждет ли нас.

– Сауле уже замучил. Когда Игорек придет? Не задерживайтесь!

Я помогла Игорьку одеться, и мы пошли в Варе Матвеевой.

Соседка Варя Матвеева

Наши дома с Варей разделяет невысокий забор, знаю ее с первого дня, как перебралась в Жуковку. Вместе ездили в женскую консультацию, одна врач приходила к нам перед рождением сыновей. И родили почти в одно время, с разницей в две недели. Сначала Варя, потом я.

Долго считала, всё знаю о ней, пока однажды подруга Лана, не просветила о прошлом Вари. Как-то мы заехали в небольшой ресторан «Мария» на Тишинке, и Лана показала на довольно потрепанного, лысоватого мужчину в очках, лет пятидесяти, окруженного тремя длинноногими красавицами.

– Не знакома, с Пашей?

– Я покачала головой.

– На какой-то вечеринке видела в Париже или на Лазурном берегу. Не помню. Француз?

– Русский француз. Павел Листман – известный светский сводник, бывший соотечественник, получивший французский паспорт, и постоянно околачивающийся вокруг богатых русских.

Лана кивнула ему, он улыбнулся и махнул рукой в знак приветствия. Навстречу не поднялся, хотя, обычно Лане оказывали самые учтивые знаки внимания. Светская тусовка любит и побаивается Лану. В своей газетной колонке властна

прославить или уничтожить. Часто раскрывает закулисные тайны представителей шоу – бизнеса, личные секреты звезд. Равнодушие Паши удивило.

Он тем временем оставил свой столик и пересел к двум модно и дорого одетым мужчинам не первой молодости, с самодовольным видом, тянувшим мартини со льдом. Сразу же завязался разговор, хозяева столика постоянно крутили головами в сторону девиц, с которыми только – что сидел Паша.

– Уговаривают познакомиться, – объяснила Лана. – Новые русские второго эшелона. Для аристократов Паша подбирает подружек в более престижном месте. Топ – моделей своих показывает на Ривьере, в Лондоне или Париже на светских приемах, куда вхож. Моя коллега в «Экспресс – газете» писала, что до Паши, будь ты трижды олигарх, если приспичило трахнуть, вынужден, как рядовой браток ехать на Тверскую. Теперь деловые люди в случае необходимости обращаются к нему, Паша предложит на выбор несколько десятков вполне интеллектуальных красоток из модельных агентств.

– Топ – модели соглашаются?

– Как объясняет коллега, бизнесмены платят Паше не за секс услуги, а за знакомство с моделями. Девчонки не догадываются, что их продают. С радостью принимают приглашения поужинать в престижном обществе, где их осыпают подарками, красиво ухаживают. А лечь ли с «папиком» или только поматросить», решать предстоит самой.

К Паше у бизнесменов в этом случае претензий нет, однако, он всегда в курсе, и от особо несговорчивых подопечных извлекается.

– В Москве Паша находит перспективные модели и переманивает в свое агентство в Париже, придает им европейский лоск, помогает пробиться на страницы модных журналов, а потом поставляет на закрытые вечеринки «новых русских».

Мы заказали по чашечке кофе. Лана ненадолго оставила меня, пересела к молодому человеку, помощнику Паши, сидевшему за соседним столиком с открытым ноутбуком. Недолго побеседовав, вернулась. Я спросила, почему не обратилась к самому Паше.

– Мы вчера пообщались, сегодня уточнила некоторые детали. Паша мне все, что хотел, сказал. Вытянуть еще что-то бесполезно.

– А общаться с помощником на виду у шефа, полезно?

– Он рекомендовал побеседовать с Вадиком.

– Так это Паша сосватал Лильку Герману, а Варюху депутату Матвееву? – спросила Лану, вспомнив давний разговор с Лилей, как модели знакомятся с новыми русскими.

– Он. Лилю нашел в Париже, а Варю, Паша вначале перетасил от Юдашкина в Париж, помог попасть на обложки журналов. Вместе с другими моделями возил на приемы и вечеринки русских олигархов и политиков.

– Теперь понятно, почему злые языки болтают, что Ми-

хаил Сергеевич купил Варю у владельца французского модельного агентства.

– Думаю, не совсем так. Оказавшись на одной с Матвеевым тусовке, она влюбилась в него. Возможно, и не подозревала, что ее с подругами привезли развлекать новых русских. В отличие от других депутатов, Михаил Сергеевич очень порядочный человек. Седьмой год вместе и всё еще влюблены.

– На Рублевке много бывших моделей. Послушать тебя, все они прошли через контору Паши?

– А ты как думала? Будь ты красавица из красавиц, твои фотографии на обложках журналов, всё равно охрана не подпустит тебя к олигарху или депутату. Вот девчонки и платят, спят с Пашей, чтобы взял в свое агентство и устроил встречу с олигархом.

– Ни за что не согласилась бы. Пожелала бы познакомиться – нашла способ.

– Когда свекра принимают в Кремле и фамилия Комаровских на слуху, верю.

Варя с Сашей ждали нас у калитки. Мы обменялись поцелуями, а дети побежали вглубь двора.

– К бассейну не подходите! – крикнула Варя и повела в сад к кустам с оставшейся еще ягодой черной смородины. У нее, одной из немногих, вместе с декоративными растениями на участке росли кусты крыжовника и черной смородины, которыми она страшно гордилась. Сама за ними ухаживала, в этом году собиралась посадить вдоль забора малину.

После рождения Сашки Варя немного сдала, вышла из стандартных размеров модели. Сегодня трудно поверить, что несколько лет назад ее фигура украшала журналы «Elle», «Vogue» и «Fashion Collection». В последнее время она активно занимается собой, делает зарядку, ежедневно плавает в своем десятиметровом бассейне, выполняет упражнения на доске и крутит педали. От лишних килограммов избавилась, но вернуться к прежним размерам вряд ли удастся. Уговаривает меня с нового года ездить в город на занятия восточными танцами – беллиданс.

Варя заставила попробовать её смородину, которую в нынешний сезон неоднократно приносила мне. Это был особый поздний сорт. Я попробовала. Ягоды, как ягоды, такие же моя Даша приносит с рынка, но Варя требовала признать, что такой ягоды я еще не пробовала. Пришлось подтвердить.

– Принеси миску, наберем, посыплем сахаром и за столом нормально поедим.

– Что ты! Какой сахар! Витамины уььет! Все оборвать я не дам, будут еще гости и все должны попробовать. И так почти все оборвали, а что осталось, осыпается. В прошлом году, помнишь, до конца сентября на кустах сохранилась.

От смородины мы перешли к качелям. Игорь раскачивался, а Саша пытался подняться по вертикальной лестнице для гимнастики.

– Куда полез! – забеспокоилась Варя и стащила сына на землю. – Говорила, без меня или папы высоко не заби-

райся.

Саша заплакал, и она принялась успокаивать, Игорь продолжал раскачиваться на качелях. Успокоившись, Саша стащил Игорька с качелей и повел в уголок, где на огромном деревянном помосте были разложены игрушечные рельсы и подвижной состав.

– Будем в поезд играть, – позвал Саша.

Игорь тоже любил толкать вагоны по рельсам и вскоре они уже сцепляли составы, возводили мосты. Железная дорога увлекла обоих. Мы довольные, что дети, наконец, уgomонились и заняты игрой, сели в беседке поговорить. Варя заметила мою напряженность и спросила, кто расстроил – опять Кирилл? Рассказала, что мама требует священника исповедоваться и причаститься.

– Представляешь, всю жизнь неверующая, а заболела, попросила Новый Завет, читает Жития святых, молится. Соседка по палате глубоко верующая.

– Мама не одна в палате?

– Попросила подыскать напарницу. Я поместила в одноместную палату.

– Стала верующей – хорошо. Господь прощает раскаявшихся.

– Надеюсь вера поможет перенести последние минуты, когда обезболивающие перестанут помогать. Держится на одних уколах.

Предсмертный секрет мамы – у меня есть сестра близняшка

Ночью долго не могла заснуть. Из головы не выходило мамино обещание поговорить, о чем не решалась всю жизнь. Назвать отца? На фиг он нужен теперь, когда я вполне самостоятельна, а маме остались считанные месяцы или дни. Раньше следовало вспомнить об оставленной, когда-то любимой жене и дочери. Сегодня будь он Министром, Председателем правительства или американским миллиардером, мне наплевать. Перечислит не состоявшихся моих отчимов? Было их немало, многих я помню. Мама и сегодня, если бы не болезнь, женщина в самом соку – сорок семь лет! Могла бы еще замуж выйти. С высоты сегодняшнего положения, я её хорошо понимаю и не осуждаю, всю жизнь она нуждалась в мужской ласке! Меняла мужчин? Значит, были на то причины. Достойных мужчин не оставляют и сами они не сбегают.

Когда, наконец, уснула, приснились любовники мамы, видела ее молодой и красивой. Потом мама вдруг превратилась в сегодняшнюю – живой скелет с желтым лицом. Я заплакала от отчаяния, что ничем не могу помочь, и проснулась с больной головой. В последние дни ночные кошмары мучили меня. Видела Валерия с Кириллом и Эльзой, при-

ходила молодая мама. Встала, выпила Но – шпу с анальгином, и снова легла. Что-то еще продолжало сниться, не могу вспомнить. Разбудил Игорек. Часы показывали девять. Пропала! Не стала принимать обычный контрастный душ, а помогла Даше кормить Игоря. Позвонила маме, спросила, как она, пообещала часа через полтора, а может раньше, как доберусь, быть у неё. Не задерживаясь у зеркала, чуточку подкрасилась, уложила волосы, и, выпив стакан сока, повезла сына к Комаровским – старшим. От них поехала к маме.

В коридоре больницы встретился мамин врач и подтвердил опасения. Опухоль продолжала катастрофически разрастаться, и врачи не в силах остановить. Я вошла в палату, и в глаза бросилось отсутствие кровати Марии Васильевны. Первая мысль – маму оставили в палате одну, отселив соседку. Мама, прочитав в моих глазах вопрос, объяснила.

– Умерла во сне. Я ничего не слышала, проснулась, а кровати нет. Нянечка сказала: Господь призвал. Последние дни её не мучили боли, как меня. Часто молилась, вспоминала детство, подолгу молча лежала, не слышала меня. Мне бы Бог дал провести последние дни без боли! Тихо умереть во сне, как Марии Васильевне!

– У неё было безнадежное состояние, а у тебя есть еще шансы, – соврала я.

– Не сочиняй! Я все знаю.

Она закрыла глаза и долго молчала, думая о чем-то своем, я не решалась заговорить.

– Алена! – тихо произнесла она, нарушив тишину. – Обещай простить меня.

– За что прощать тебя? Всю жизнь посвятила мне. Не дала выйти замуж за Ваню – давно простила. Вышла бы за него, ты не лежала в этой палате, окруженная вниманием врачей. Я люблю тебя, мамочка и не переживай. Как бы то ни было, последние годы мы с тобой живём прекрасно.

– Я жила. Ты – нет. Думаешь, не видела все эти годы? Видела! Не была ты счастлива с Валерием. И Кирилл не любишь. Любишь всё еще своего Ваню. Найди его, и будьте счастливы, благословляю вас!

– Поздно, мама! – Я поправила у нее подушку под головой, поцеловала. – Почистить мандарин? Принесла еще персиков и виноград.

– Вчерашние не съела, нянечке отдала.

– Вот и хорошо, поешь свежих. Я положила в холодильник.

– Алена! – она замолчала, собираясь с мыслями, никак не решалась заговорить. Вдруг заплакала и сквозь слезы прошептала. – Никогда не простишь. Не поймешь. У тебя должна была быть сестра. – Мама снова замолкла.

– Ты сделала аборт? – нарушила я молчание.

– Если бы. Аборты я делала. Вы родились близняшками. Две девочки. Тебя я взяла, а ее... поменяла на квартиру. Дурра была, какой ум в семнадцать лет?

– Поменяла на квартиру? – не сразу дошло до меня. –

На какую квартиру, что ты говоришь!

– Квартиру, в которой ты выросла.

– Как ты могла, мама?!

– Двоих не подняла бы. Отец твой бросил меня, как только узнал, что беременна.

До меня медленно доходил смысл сказанного.

– А бабушка, дедушка, они не знали?

– Они и настояли.

– Сестра моя жива, где она?

– Надеюсь, жива. Пять дней провела с вами в роддоме, грудью кормила обоих, а домой поехала с тобой одной. Сестренку забрали хорошие люди, у которых не могло быть детей. Где она теперь, не знаю.

Постепенно я приходила в себя, переваривая свалившееся на меня известие. Поняла, что мучило маму все годы, почему вдруг решила вызвать священника, исповедоваться.

– Как всё было? Уверена, взяли хорошие люди, воспитали, вырастили?

Ничего о судьбе сестры мама не знала. Рассказала длинную грустную историю. Будь я киносценаристом, написала бы душещипательную мелодраму в стиле бразильского сериала.

Начало истории положила встреча в женской консультации, во время маминой беременности. Коротая время в очереди, женщины, как обычно, делились наболевшим. Мама пожаловалась, не знает, что будет делать с двойней. Не рас-

считывала на двоих. Живет в доме без удобств, без мужа. Одна из сидевших в очереди беременных женщин постарше, пожалела юную маму и, встретившись позже в сквере, подсказала выход.

– Знаю приличную обеспеченную семью. Если согласишься, они усыновят или удочерят одного ребенка, а в роддоме получишь справку на одного. Никто ничего не узнает, а тебя хорошо отблагодарят. Пара богатая, муж большой начальник.

Маме подобная мысль не приходила в голову, и она ничего не ответила. Женщина еще несколько раз подходила к маме и спрашивала, не надумала ли избавиться от второго ребенка. В то время не в каждой женской консультации имелось сегодняшнее УЗИ. Определить пол будущих близнецов не представлялось возможным.

– Будут мальчик и девочка, – выберешь, кого оставить себе.

Мама призналась своей маме – Катерине Ивановне, своей бабушке. Та, не задумываясь, посоветовала согласиться на предложение, взамен потребовать квартиру. Жили тогда мама с бабушкой и ее последним мужем в Куйбышеве, в двух крохотных комнатухах деревянной развалюхи на Ленинской улице.

– Втроем толкаемся здесь спинами, а ты еще двоих. Я никогда не получу другой квартиры, ты тем более. Соглашайся. И мама решила. Спустя несколько дней встретилась

с бездетной, еще не старой парой. Мужчина по фамилии, кажется, Кувалдин, мама запомнила, работал в заводском комитете профсоюза авиадвигательного завода, и обещал переселить в двухкомнатную благоустроенную квартиру. Мама с бабушкой должны были отдать свою развалюху для оформления обмена. В тот год на окраине города шли массовые новоселья в новых микрорайонах, на месте бывшего «Совхоза – сада». Заводчанам выделили несколько домов, и человек из завкома предложил за ребенка двухкомнатную квартиру в девятиэтажном доме. Бабушка с сожителем продолжали нажимать на маму: соглашайся! Двоих не поднимешь! Кто еще тебе, девчонке, предложит благоустроенную квартиру!

Как удалось всё проверить, деталей мама не знает. Из роддома она вышла со справкой на одну девочку. В тот же день ее матери – Катерине Ивановне вручили ордер на двухкомнатную квартиру в новом доме и документы из бюро обмена, из которых следовало, что свое жилье в центре они поменяли на микрорайон. Больше мою сестренку мама не видела. Через какое-то время, втайне от бабушки, попыталась найти семью, удочерившую дочь, но позабыла фамилию. Помнила, какая-то строительная – Топоровы или Столяровы, а может Кувалдины. Знакомый, по ее просьбе, принес список членов завкома завода, строительную фамилию никто из них не носил. Через несколько лет ей показалось, что вспомнила – Гвоздики. Их на заводе оказалось несколько,

но все молодые парни. Мама и сегодня не уверена, что фамилия, удочеривших мою сестренку, Гвоздиковы. Забрать дочь обратно мысли у мамы не было, однако сердце скребли кошки, как живет дочь. Катерина Ивановна, узнав про затею дочери, навести справки, обматерила её.

Будь уверена, живет лучше твоей Аленки. Хочешь, чтобы нас выселили, если все раскопают? Начнут разбираться, кто поверит, что за сарай без удобств выменяли благоустроенную квартиру? Не рыпайся!

Разноречивые мысли клубились в голове. Может, лучше бы мама унесла тайну с собой, – подумала я. Как относиться к матери, продавшей свою дочь?

Мама прочитала мои мысли.

– Не простишь меня?

– Не знаю. Почему раньше не призналась? Когда была здорова, поискали бы, может, и нашли. Ни каких денег не пожалела бы.

– Боялась, не поймешь. Постоянно грызла тоска, мучилась. Молодая была, не думала, что в конце жизни придется держать ответ. – Помолчав, в оправдание привела доводы, которыми успокаивала себя. – Ты выросла в доме с удобствами, не знаешь, как таскать ведрами воду из колонки, выносить помои за квартал, мыться раз в неделю, отстояв долгую очередь в бане. В прошлом году проехала по Ленинской. В обоих концах улицы возводят элитные многоэтажные дома, а наш двор и хибара сохранились. Откажись я тогда, и се-

годня жили бы там.

– Не обязательно. Швейная фабрика, где вы с бабушкой работали, строила дома, возможно и дождалась очереди.

– Дождались. Очередь на улучшение жилищных условий на фабрике была на сорок лет вперед. Мама беспартийная, не ударница, не депутат. Я после седьмого класса проучилась два года в ПТУ, не закончив, пришла на фабрику. Шансов дождаться квартиры – никаких.

– Бабушка и в старости оставалась симпатичной женщиной. Почему замуж не вышла? Не могла найти приличного мужчину с жильем!

Лицо мамы вдруг исказила страшная гримаса, преодолевая боль, воскликнула.

– Девочка моя! Как ты далека от реальной жизни! Этот вопрос можешь задать и мне. Отвечаю. Не везучие мы. И мужики попадались такие. Бесперспективные, пьющие, гуляющие. И я, и ты, обе выросли без отцов. Вот почему настаивала, выйти тебе за Бурлакова, чтобы хоть ты оказалась счастливой. Умираю спокойной, ты пристроена, не повторишь мою и мамину судьбу.

– Еще не известно.

Про себя подумала: конечно, ваших судеб повторять не собираюсь. В личной жизни, как и вам, не везет, но живу в другое время, и счастье понимаю иначе. У меня великолепная четырехкомнатная квартира, какую вы с бабушкой видели только в заграничных фильмах, загородный двухэтаж-

ный дом, я владелица модного салона одежды. Для полного счастья не хватает только любимого человека рядом. Многие нынче так живут и не жалуется. Разве у Лильки, Ольги, Риты не такая же ситуация? А Лана? Двадцать восемь лет, её знает и завидует вся Москва, денег куры не клюют, меняет мужиков каждый месяц, а любимого так и не встретила. А у меня есть любимый Ваня. Возможно, мы еще и соединимся, продолжаю верить в чудо. Теперь прибавился еще близкий человек – сестра. Не знаю где она, как звать, но где -то на земле живет, и теперь целью моей жизни будет отыскать её.

Пока переваривала мамино признание, думала, мама молчала, изредка вытирала слезы. Я смотрела на изможденное осунувшееся лицо, желтое от лекарств, и мне стало жалко её, я заплакала. Моя любимая мама! Ты водила меня в детский садик, приходила на родительские собрания в школу, я всегда гордилась тобой. Больше ни у кого не было такой красивой и молодой мамы. Ты ведь молода еще. Сорок семь, разве возраст? В доме часто не было денег, ты приносила с базара виноград и мандарины, сама не ела, оставляя мне. Я удивлялась, почему не любишь фрукты.

– Вытри слезы. Зеркальце есть? Тушь не размажь, – прервала она мои мысли. Я встала и принесла сумочку, достала зеркало и платок.

– Моя тушь не мажется. – Я вытирала слезы, а они продолжали литься. Снова села на край маминой кровати, обняла ее и стала целовать.

– Мамочка! Я люблю тебя! Поправляйся, пожалуйста! Я всё прощаю, значит так сложилось, по – другому не могла поступить. Нелегкое было время, я помню.

Снова гримаса боли исказила ее лицо.

– Что ты можешь помнить, девочка моя! Болезнь моя – наказание за грехи. Кара божья за то, что отказалась от своей кровиночки, сестренки твоей. За то, что не остановила, толкнула тебя выйти за Бурлакова. Лучше уж жила бы в бедности, зато с Ваней в любви, – шепотом, проговорила она, повернула голову и затихла.

– Мама! – закричала я.

– Очень устала. Иди, попрошу сестру сделать укол, – едва слышно произнесла она. Я нажала кнопку звонка у изголовья кровати. Секунды спустя, пришла медсестра.

– Лена, вам лучше уйти. Мама начнет засыпать, не надо тревожить. – Медсестра подошла к тумбочке, на которой стояли медицинские приборы, достала из ящичка пакет со шприцем, ампулы, повернула ко мне. – Идите, Лена!

– Иди, Алена, – прошептала мама. – Не надо смотреть.

Я вышла в коридор, постояла, раздумывая, подождать ли, пока выйдет сестра, потом у дежурной по этажу попросила воды, выпила успокоительную таблетку и пошла к машине.

Соломенная вдова

После исчезновения Валерия, год я не могла найти себе места. Жила у мамы в Самаре, возвращалась в Москву в Люблинскую квартиру, надоедало там – приезжала в Жуковку. Денег осталось достаточно, чтобы не считать их, скрашивать одиночество на заграничных курортах, в ресторанах и ночных клубах с подругами. Молодая и красивая богатая вдова, я пользовалась успехом у мужчин. От желающих предложить руку и сердце не было отбоя. Липли всё больше женатики и разведенные, мечтающие пополнить список своих постельных побед. Способствовали им и подруги, стремившиеся поскорее выдать меня замуж, чтобы не провоцировала их мужей. Знакомили с новыми и новыми соискателями моей руки.

После переезда мамы ко мне, самарскую квартиру мы сдавали. А я, приезжая в Самару, жила в нашем с Валерием таунхаузе в районе бывших обкомовских дач на Первой просеке, позже подаренном его брату. Спустя год, после загадочного исчезновения Валерия, я стала владелицей всего его состояния. Трехэтажный особняк на берегу Волги я подарила Сергею, он был тронут моей щедростью, и не сразу принял дар. Спрашивала Евдокию Андреевну, что подарить ей, она от всего отказывалась. Со свекровью и братом мужа мне повезло. Они сразу полюбили меня. Даже после того, как вы-

шла за Кирилла, продолжают прекрасно относиться ко мне. На капиталы, оставшиеся после Валерия, не претендовали. Сергей помог удачно распорядиться бумагами брата, их ценность растет и приносит доход. Нормальные деловые отношения установились у Сергея и с Кириллом.

Евдокия Андреевна полюбила Игорька, уговаривала вернуться в Самару. Годы прошли, как пропал Валерий, а она продолжала надеяться, что сын объявится. Считала, его похитили инопланетяне, может, чеченцы сделали рабом на своих плантациях конопли в горах. Я объясняла, коноплю и мак выращивают в Афганистане, а чеченцы давно бы потребовали выкуп. Инопланетяне своих пленников долго не держат.

Не было у Валерия врагов, решившихся на убийство.

Три года ходила я соломенной вдовой. Мама Валерия и Сергей жалели меня, убеждали заняться собственной жизнью, выйти замуж. Я не торопилась. Любила по – прежнему одного Ваню. К нему и кинулась, когда поняла, что Валерий не вернется, но Ваня не простил. Я же продолжаю надеяться, со временем простит, обязательно будем вместе. Подожду ещё.

Кирилл

С Кириллом познакомилась в поезде Самара – Москва. Он сразу понравился. По московским тусовкам его не помнила, скорее всего, не встречала. В поезде Кирилл рассказал, что закончил «плешку» и работает в известной международной фирме. Как провинциалке, пояснил, что «плешка» престижная экономическая академия. Я не стала говорить, что давно москвичка и знаю о «плешке». На вопрос куда еду, ответила – к друзьям, он не стал уточнять. В Самару Кирилл приезжал в командировку, города не знал, и я рассказывала ему о волжских пляжах, театрах и музеях, с которыми сама познакомилась в последние годы, будучи уже замужем за Валерием. Искра взаимной симпатии между нами проскочила, но телефона не спросил, встретиться не предложил, и на Казанском вокзале мы расстались. Как признался позднее, впечатления на него все же произвела. Поразился моему кругозору, что имею своё дело, начитанна, и очень самонадеянна.

Судьба вскоре свела нас снова. В этот раз на «Веранде». Я в умопомрачительном платье от Диора, накануне приобретенном в Петровском Пассаже, с Лилькой Каплан сидела за бокалом мартини, слушала её комментарии прошедших событий, случившихся пока я находилась в Самаре. И вдруг появляется Кирилл, увидел меня. Не обратить внимания на моё новое платье было невозможно, он узнал меня

и удивился. Я тоже удивилась, встретив его здесь. Он тоже заказал мартини и на правах Лилиного знакомого, кивнув мне, спросил разрешение присоединиться к нам.

– Я не нарушу ваш тет а тет? – спросил у Лили и, не дождавшись ответа, сел за наш столик. – А с твоей подружкой мы познакомились в поезде Самара – Москва. – Он повернулся ко мне. – Не так, Лена?

Да. Судьба закинула в одно купе. Других билетов не было, задерживаться в Самаре не хотела, заплатить за всё купе, в голову не пришло, и рискнула взять купе с мужчиной.

– Надеюсь, не разочаровал?

– Повезло. Любопытный собеседник. Не приставали, не лезли с откровенностями. Быстро уснули.

Лилька удивленно посмотрела на меня.

– Вы не были знакомы? Завидный жених. Наши девки сохнут по Кириллу.

– Так уж сохнут, тебя, к примеру, не заинтересовал. – Повернулся ко мне. – Лена, вы к Лиле в гости приехали? – Ему не пришло в голову, что живу здесь. Выходит, не принял, а я считала, не отличаюсь от местных девчонок, и, взглянув на меня, поймешь, откуда я.

– Представьте, живу здесь, в Жуковке. И не первый год.

– Я принял за провинциалку.

– Я и есть провинциалка. Из Самары.

– Притворяется. Давно в нашей тусовке. Девочка с Рублево – Успенского шоссе. Не встречал Ленку? С Бурлаковым

появлялась на каждой тусовке, и как одна осталась, часто бывает. Удивительно, что не встречались!

– Ты же знаешь, я не большой любитель богемных тусовок. Да и лишний раз торчать в автомобильных пробках в дороге не большое удовольствие.

– У тебя же мигалка.

– Отобрали. У отца осталась. – Он повернулся опять ко мне. – Бурлаков Валерий Александрович был вашим мужем? Знаком, он у отца в доме бывал. Не знал, что у него такая очаровательная жена.

– Теперь свободная женщина, богатая вдова, – заметила Лиля.

– Опять сватаешь? – остановила её.

– Никаких известий о Валерии Александровиче? – спросил Кирилл.

– Убили его. Какие могут быть известия? Дело об исчезновении собираются закрыть. Еще пару месяцев протянут, а исполнится три года, и вовсе передадут в отдел не раскрытых.

– Тогда Лене дадут справку на развод, – снова вмешалась со своим комментарием Лиля.

– Тебе это так важно, торопишься выдать замуж? Пожелала бы, через год получила развод.

– Компаньоны, родственники, что думают по поводу исчезновения Валерия Александровича? – продолжил интересоваться Кирилл,

– Убили. Первое время меня подозревали. Таскали по следователям, брали подписку о невыезде. Бывшие дружки – братки, пытать утюгом собрались, спасибо Сергею, брату Валерия, заступился. Хорошо, у меня ни любовника, ни близких друзей среди мужчин не было. Получалось и повода избавиться от мужа.

– Загадочная история. Мистика. Мамы Лены и Валерия предполагают, инопланетяне похитили, советуют ждать, рано или поздно отпустят. Ни в каких инопланетян мы с Леной, конечно, не верим. Убили его. Кто, за что? В бизнесе никто не возник. Экономические причины отпадают. Любовниц, чтобы подозревать в убийстве ревнивого мужа, не имел, уверена Елена, – продолжила за меня Лиля. – Вышел утром из дома собаку прогулять и не вернулся.

– А собака нашлась? Извините, Лена, если неприятно вспоминать. Когда это случилось, я как-то пропустил подробности, – услышал, что пропал, и всё, – признался Кирилл.

– Собака домой прибежала, что с ней случится? Валерия ждать давно перестала. Смирилась с судьбой соломенной вдовы.

– Три года ждет, что Валерий объявится, – прибавила Лиля. – Как Пенелопа Одиссея.

– Не ехидничай! Не вешай лапшу на уши Кириллу. Пожелает, наведет справки, и получит полный список моих похождений. Отлично знаешь, у нас в Жуковке секреты не дер-

жатыся.

– Тему разговора вскоре сменили, и теперь солировал Кирилл. Рассказывал о Мюнхенской глиптотеке, где недавно побывал. Меня древности не волновали, и я не столько слушала, сколько с любопытством рассматривала увлеченного рассказом Кирилла. «Мужчина, интересный! – подумала. – Я его не заинтересовала. В поезде, понятно, была не в лучшей форме, и принял за глупую провинциалку, но сейчас. Я в потрясающем прикиде, а он не поддержал Лилькину тему, перевел разговор на какие-то древности. За него, скорее всего, я вышла бы. Хватит вести беспорядочный образ жизни и порхать по чужим праздникам. Нет, для меня он слишком хорош». Кирилл продолжал расписывать каменных богов древних греков, а я унеслась в мечты.

Светская журналистка Лана

Лана одна из самых близких моих подруг. Настоящее её имя Светлана. После третьего курса журфака МГУ, отдыхая в Юрмале, она брала интервью у композитора Раймонда Паулса и познакомилась с его женой Ланой, чье полное имя тоже Светлана. Имя понравилось, и с тех пор представляется и подписывается в газете только Ланой.

Журналистка светской колонки в газете «Всё про всех», она просвещает меня в светской жизни, да и в других вопросах. Всегда знает, что где происходит или должно произойти. В отличие от других моих подруг, которые часто довольствуются мелкими сплетнями – кто с кем, кто какую обновку справил, информация Ланы охватывала широкий круг тем, хотя часто того же уровня желтых печатных изданий. Меня Лана выделяла из подруг; я, как и она, работала, имела любимое дело. Заказав однажды у меня в салоне оригинальную кофточку, стала постоянной клиенткой и моим пресс – агентом. Хвалебные статьи о салоне, написанные Ланой, принимали «на ура». Убедившись, что я не из болтливых, и можно доверять, она делилась со мной сокровенным. Мои подруги постарше – Маша и Лиля предупреждали держаться с ней сдержаннее, считали, Лане, как и всем журналистам опасно доверять, я доверяла. Отец Ланы банкир и единственная дочь могла не работать, но Лана любила журналистику.

Профессия позволяет бывать на великосветских мероприятиях, быть знакомой со знаменитостями. Еще ее привлекает власть над большинством завсегдашев тусовок. Её боятся. В своей газетной колонке она высмеивает и расправляется с обидчиками и бездарями. Легко сходится с людьми, всегда жизнерадостна. Для всех загадка, почему не выходит замуж. Я знаю её любовную историю, напоминающую мою. Выйти замуж за одноклассника, в свое время не позволили родители. Когда стала самостоятельной, известной журналисткой, могла поступать по – своему, опоздала – любимый не дождался, женился на аспирантке из Швеции и живет теперь в Стокгольме.

У Ланы, как и у меня, свой бумер BMW-535. Даже после того, как у нее угнали две машины, брать водителя, ездить с охранниками не любит. Предпочитает сама водить машину, или подсесть к знакомым.

Родилась она в старом Люблино, и теперь часто приезжает во двор своего детства. Для Ланы – это мир доброго счастливого времени, здесь она сбрасывает маску светской львицы, преуспевающей журналистки, и превращается в беззаботную люблинскую девчонку, способную вместе с великовозрастными сверстниками на всякие веселые проделки. Родителям друзей судьба не подфартила, как её отцу, и они по-прежнему ведут старое – московский окраинный образ жизни. Её тронуло, что, переехав в Москву, мы с мужем выбрали её любимый район. На этой теме мы и познакомились близ-

ко, вскоре стали подружками.

Как-то мы с ней заехали в мою люблинскую квартиру. Лана долго восхищалась видом из окон на пруды, вспоминала времена детства, когда на месте дома были пустыри, пруды не такими ухоженными, в них купались. После осмотра квартиры, обставленной вместе с Валерием, горестно призналась, что не имеет своего уголка, куда могла бы привести друзей, не опасаясь строго взгляда матери и всюду сующих нос охранников.

– Родители до сих пор пасут? – удивилась я.

– Как тебе сказать? – Она помолчала, хоть мы и подружки, не сразу решилась признаться. – Не контролируют каждый шаг, не спрашивают, где и с кем была, но любовника в дом не приведешь, хоть комнат полтора десятка. Купить мне квартиру не позволяют. – Помолчав, вдруг нерешительно спросила:

– Лен, не оставишь мне ключ? Все равно не живешь здесь, а мне иногда хочется пообщаться с кем-либо из друзей. Не поведу же в гостиницу, где меня узнают.

Я дала ей ключ, записала пароль для отключения сигнализации. С тех пор иногда она пользуется моей квартирой. Встречается, вероятно, с кем-то из друзей детства не нашего круга, раз не может найти другого места.

С Вероникой – героиней сегодняшней тусовки, нашей соседкой по Рублевке, Лана сделала несколько интервью, а потом привела в нашу компанию.

Любимица тинейджеров – Вероника

С Вероникой я познакомилась через Лану. Популярная у молодежи певица Вероника, тоже жительница Рублевки, презентовала новый альбом. Как подруга, девчонка замечательная, ее любили поклонники песен, хотя не все, как я. Поздравить с новым альбомом собрались наши рублевские знакомые – Лана, Женя, Ольга. Я уговорила прийти даже Машу с Лилей, совершенно не переносивших попсу. Не приди – Вероника обидится.

Собрался московский бомонд, постоянные любители потусоваться: признанные звезды шоу – биза и юные старлетки, начинающие карьеру. Лев Рыбкин и Катя Мень, Роман Транберг и Рита Ищеева, Сергей Сливкин и Юлия Мочалова. Гости обменивались новостями, лобызали друг друга, засыпали Веронику комплиментами «Как прекрасно выглядишь», «Почему давно не появляешься нигде». Поздравляли и ничего не говорили о содержании альбома, песни из которого уже крутились на молодежных каналах FM – станций и МузТВ.

На эстраду ее вывел любовник и первый продюсер. Он же настоял и помог закончить музыкальное училище. Добившись известности, Вероника сообразила, что вполне обой-

дется без продюсера, который годился в отцы, взяла в директоры и помощники двоюродную сестру.

Ветераны эстрады и прославленные звезды, составляя репертуар, не жалеют долларов на профессиональных авторов. Нынешние кумиры молодежи, серийные выпускники «Фабрик звезд» сами пишут тексты и музыку. Вероника из них. Тексты свои просит не называть стихами, на компьютере сочиняет музыку, где вместо мелодии лишь чередуются ритмы. А голос у Вероники великолепный, убедишься в этом, когда послушаешь в ее исполнении популярные песни 50 – 60 – х годов. Ее обожают приглашать на корпоративные вечеринки, где она поёт их вначале соло, затем с хором подвыпивших гостей. Немало представителей сегодняшней попсы, как и Вероника, обладают замечательными голосами, но примитивные тексты и музыка исполняемых песен не позволяют им выделиться из общей серой массы.

Веронике, как и Лане двадцать восемь, но в отличие от Ланы уже дважды побывала замужем, сейчас разведена, и довольна личной жизнью. Найти друга сердца среди коллег из шоу-биза зареклась. Сынки богатых олигархов, как и они сами, Веронику тоже не интересуют. За одно выступление на корпоративной вечеринке она получает не меньше десяти – двадцати тысяч зеленых. Купила дом в Горках – 8, рядом с другими известными певцами, регулярно меняет автомобили.

Ольга приглашает Веронику на свои девичники, мы уса-

живаем её за рояль и вместе поем любимые песни, старинные романсы. На потребу тинэйджерам Вероника пишет дурацкие тексты, а если ее попросишь сочинить поздравление в стихах кому-то из друзей, получаются великолепные стихи. Бог наградил ее поэтическим даром. Лана даже предлагала Веронике помочь напечатать стихи в приличном журнале, Вероника не решилась ломать имидж любимицы тинэйджеров.

Гости всё пребывали. Группа «Вам – Вам» в полном составе во главе со своим руководителем, завоевывающие все большую популярность «Сверкающие», Таня Петрова из забытой группы «Комбинация». Последним пришел Миша Шарутинский, когда Вероника в сопровождении своих музыкантов пела уже третью песню, а часть гостей после достаточно выпитого, пустились в пляс под незатейливые, но зажигательные её мелодии.

Опустошив бутылку «Вдовы Клико», мы, как обычно, встретившись, обсуждали гостей вечеринки, сплетничали. Сквозь дикий шум бухающих ударных, отбивающих ритм, с трудом слышали друг друга. Вдруг появился, незамеченный ранее, Кирилл. Подошел к нашей компании, поздоровался со всеми и спросил у девчонок, можно ли пригласить меня танцевать. Мне не очень хотелось трястись в толпе полупьяных молодых поклонников Вероники, но отказать Кириллу не могла, и мы пошли на танцпол. После встречи на «Веранде» я не раз вспоминала его, жалела, что знаком-

ство не продолжилось. Потолкавшись на круге, он увел меня за свой стол, познакомил с друзьями, некоторых я и сама знала. Еще танцевали и пили. Я забыла, что пришла на вечеринку с подругами, освоившись в компании друзей Кирилла.

– Сбежим? – неожиданно предложил он, и я согласилась. Прощаться с подругами не стала, но с хозяйкой вечеринки долг требовал пообщаться. Прорвала окружение Вероники, мы еще раз расцеловались, я повторно поздравила с новым диском. Она извинилась, что все диски уже раздала поклонникам, пообещала завтра завезти мне домой специальное подарочное издание. Долго разговаривать поклонники не позволили и оттеснили меня. Кирилл все это время терпеливо ждал.

Его «Мерс» стояла на тротуаре рядом с входом.

– Не боишься, эвакуаторы увезут машину? Паркуешься в непопозволенном месте, – спросила я.

– Пусть попробуют! Посмотри на номера!

Мы поехали в «Диану». Здесь в тишине и полумраке можно спокойно побеседовать. Кирилл заказал себе кофе, мне рюмку коктейля.

– Спойть надеешься? Не удастся, я умею контролировать себя, – развязно проговорила, будучи уже достаточно на взводе. В «Тропике» мы с девчонками смешали «Вдову Клико» с джином, в голове шумело, чувствовала себя легко и была счастлива, что с Кириллом. Из всех, осаждавших меня поклонников, он нравился больше других, и не входил

в их число. Я его почти не знала, на тусовках не появляется, удивительно, чем привлекла Вероника. Высокий, стройный, по-спортивному подтянут, умный собеседник, понравился с первой встречи. Впервые я чувствовала, что хочу не секса с Кириллом, а его самого, как человека, интересного собеседника, с которым, надеялась, будет не скучно, на кого смогу положиться.

Прощаясь, Кирилл попросился на кофе. Я пообещала кофе в следующий раз, а если очень хочется выпить, заедем на «Веранду», там сегодня выступает кто-то из камерных певцов или музыкантов.

– Очистимся от попсы, успокоим нервы после стояния в пробках, – предложила я.

Сегодня вечером выступал Денис Мацуев, но, когда мы приехали, концерт давно закончился. Выпили кофе, и Кирилл проводил меня, предпринял попытку зайти, я была непреклонна. Он, кажется, обиделся, зато убедился, я не из тех, кто в первый вечер готов на постель. Живет, оказалось, почти рядом, в Усовке.

Мы не раз еще встречались, целовались, но в дом не приглашала, к нему зайти, тоже не соглашалась. Он влюбился и готов был ждать, согласившись на затянувшиеся платонические отношения. Продолжал присылать цветы, ухаживать за мной. У нас так и не дошло до секса, когда он сделал официальное предложение. Я обещала подумать, посоветоваться. Хотя, с кем советоваться, с мамой? Она, конечно, за,

узнав о семье Кирилла. С подружками, которые сами строили планы окольцевать Кирилла, или с замужними, опасавшимися за своих мужей, оставайся я одинокой? Ни чей совет мне не подходил, сама должна принять решение.

Подруги убеждали, найти не разведенного мужчину в нашем с Кириллом возрасте равносильно выигрышу в лотерее. Дико повезло, что Кирилл влюбился в меня.

– Ты честно выдержала траур. Три года. Другая, через пару месяцев выскочила бы замуж. Лиля, Маша и Ольга искренне радовались за меня и уговаривали принять предложение Кирилла.

Кирилл мне нравился, и я была почти готова связать с ним судьбу. Оставался Ваня, мне казалось, я по – прежнему его люблю.

Исчезновением Валерия Господь наказал за измену Ване, – считала я. – Именно наказал, а не освободил, как пыталась убедить меня Ольга. Будь у Господа другое намерение, – соединил бы с любимым Ваней, а не толкнул в объятия Кирилла.

Самарский детдомовец, в порядке обмена, живет в английской семье

Ваня пришел к нам в школу в седьмом классе. До этого учился в школе при детдоме. Девчонки, едва услышав, в класс придет детдомовский, недовольно фыркали – придет какой-то охламон, в классе и так шпаны хватает, или, как выражалась классуха, мальчишек из не благополучных семей. Они снижали общую успеваемость, нарушали школьный распорядок, приносили ей постоянную головную боль. Когда же первого сентября новенький появился в фирменных джинсах и белой итальянской рубашке с засученными рукавами, дорогих сандалиях, и папкой для книг из натуральной кожи, мы не догадались, он и есть, заранее отверженный нами, детдомовец. Он заглянул в класс, спросил, седьмой ли это «Б» и, получив утвердительный ответ, громко обратился:

– Дамы и господа, девочки и пацаны, не знаю, как у вас принято обращаться, позвольте представиться: Иван Хворостов. Определили в ваш класс. – Шум мгновенно смолк, головы повернулись к вошедшему, а он продолжал. – Прошу любить и жаловать. Впереди четыре года совместных учений и мучений. Повторю: звать меня Иван, можно Ваня.

– Симпатичный мальчик! – прошептала мне на ухо, сидя-

щая рядом Зинка. – Познакомлюсь.

– Почему ты? – спросила я. – Может, и я хочу познакомиться с новеньким. Вот придет детдомовский и знакомься!

– Уже присвоили права на новичка! – Возмутилась, сидящая за соседней партой, Лида Макарова. – Еще посмотрим, кто ему больше понравится.

– Какой крутой нашелся: дамы и господа. Это вы дамы? – повернулся к нам с Зиной и Лиде, Сережка, классный заводила и безнадежный троечник. Новенький успел не понравиться Сережке, почувствовал претендента на авторитет.

– Не знаю насчет нас, а что ты не господин, и никогда им не будешь – точно, – огрызнулась Лидка

Пока мы обсуждали новенького, он прошелся по классу, остановился у пустующей парты за Лидкой.

– Здесь свободно, могу сесть?

– Занимай! – поспешила ответить она. – Мы еще не успели определиться с местами. Я с Ларисой и они, – она показала на нас с Зиной, всегда сидим на второй парте. Здесь хорошо все слышно и шпаргалить удобно. Учителя обращают больше внимания на «Камчатку».

– Всегда шпаргалите? – улыбнулся Ваня.

– А ты не пользуешься шпаргалками?

– Стараюсь.

Прозвенел звонок, и вошла наша классуха Серафима Васильевна – учитель математики. Загорелая, в модной блузке и длинной юбке, уложенными в парикмахерской воло-

сами, выглядела красавицей. Если бы не требовательность на уроках и разносы на классном часе, ее можно было бы любить. Ей нет и тридцати, все старшеклассники поголовно в нее влюблены. После короткого поздравления с новым учебным годом, она начала переключку. Когда дошла до фамилии Хворостов, остановилась, подняла новенького.

– Хворостов! – он встал. – Ваня перешел из 34 – й школы. Надеюсь, вы примите его и подружитесь.

– Почему не продолжил учебу в своей школе? – спросил кто-то, – Выгнали?

– В его школе только шесть классов, – ответила Серафима Васильевна и принялась пытаться, что помним из прошлогоднего курса алгебры.

Мы с Зиной, да и другие девчонки, весь урок вертели головами, наблюдая за новеньким. Зина строила планы и делилась со мной, как познакомиться с ним.

На перемене Ваню окружили мальчишки, и только перед звонком на урок, нам удалось подойти к нему.

– Ты, правда, детдомовский? – первым делом спросила Зина.

– На мне написано? – довольно грубо ответил он.

– Серафима Васильевна говорила, в седьмой класс придет мальчик из детдома. Ты как раз не похож.

– Ошибаешься. Самый настоящий детдомовец. Больше вопросов нет?

Я решила сгладить неловкость и сказала:

– Не обижайся на Зину, она у нас очень любопытная. Ты ей понравился.

– Она мне – нет! – сказал и отошел к группе ребят.

В первый же день произошло несколько стычек с парнями из восьмого. Наш Ваня, оказалось, владел основами кун-фу и приставалам пришлось позорно ретироваться. Инцидент сразу изменил отношение к нему. Мальчишек удивило, что новенький не курит, не похож на детдомовского. На уроке физкультуры одноклассники уговорили продемонстрировать несколько приемов кун-фу, и он показал. Физрук Матвей Сергеевич в шутку предложил побороться, и Ваня в несколько секунд прижал его к полу. Раздались аплодисменты. Восхищение новичком продолжилось, когда во время игры в волейбол, показал, как отлично подаёт крученые мячи. Ваню приняли за своего, признали лидером.

Девчонки были без ума от новичка. Ваня не замечал их, общался лишь с парнями. После уроков в школе не задерживался и торопился в детский дом. Упакован всегда в приличные импортные шмотки, не уступающие одежде мальчишек из богатых семей. Девчонки долгое время гадали, откуда они, строили предположения про родственников. О родителях он не распространялся. Все стало понятно месяца через полтора, после инцидента на уроке английского. Заболела наша англичанка, и заменить её пришла молодая училка, только – что окончившая институт. Она придралась к произношению Вани, и, пока он читал отрывок из классическо-

го текста, постоянно поправляла его, он не внимал ей. Вдруг Ваня вскипел, оторвался от чтения и выдал ей на английском что-то длинное и не понятное нам. Училка, как и мы, опешила, не сразу сообразила, что ответить. Мы занимались своими делами, и мало кто из одноклассников следил за происходящим, а тут все насторожились, услышав от Вани длинный непонятный монолог. «О чем он? Какую-то вызубренную цитату привел»?

Светлана – англичанка смутилась, но вскоре нашлась.

– Я не знала, что вы целый год учились в Англии. Грамматически выражаетесь вполне грамотно, но произношение какое-то местечковое.

– Говор графства Оксфордшир, будет вам известно.

Она что-то быстро зататорила по – английски, Ваня бойко с ней спорил. Мы все сидели, раскрыв рты от изумления. Кто же знал, что наш Ваня говорит по – английски! За полтора месяца учебы не похвастал, что целый год провел в Англии. Их перепалка кончилась улыбками и несколькими понятыми нами excuse и sorry. Ваня сел, Светлана подняла читать текст Женю. Та, спотыкаясь, коряво произносила незнакомые слова.

Как это было давно! Кажется, в другой жизни. Сколько событий, радостных и горьких дней вместили годы!

Весь седьмой и восьмой класс ни одна из наших барышень не нашла подхода к Хворостову.

После восьмого по настоянию мамы, я поступила в швей-

ный колледж и распрощалась со школой. Класс после экзаменов отправили в трудовой лагерь на прополку свеклы в пригородный совхоз, я была свободна и поехала с подружками за компанию.

Вечерами подолгу сидели у костра. Однажды Иван заговорил, как оказался в Англии. Его вместе с тремя пятиклассниками из других детских домов страны в рамках благотворительной акции послали на год в Англию и поселили в семье с детьми одного возраста. От них он и научился разговорному языку.

После костра и проверки дежурного, девчонки умудрились улизнуть с мальчишками из лагеря. Ваня обычно оставался в палатке. Во всем он был законопослушным, мне было даже противно. И вдруг как-то во время ужина, шепчет мне:

– Пойдем после отбоя на речку?

Предложение настолько неожиданное, что я растерялась. Как и все одноклассницы, давно смирилась, никто из нас не интересуется им. Вероятно, у Хворостова есть девчонка в детском доме, думали мы, и вдруг предложение мне. Чем заслужила? За два года в седьмом и восьмом мы перемолвились несколькими фразами, хотя мог бы заметить мой интерес к себе.

– И что будем делать? – спросила я.

– Побродим по берегу, подышим свежим воздухом.

– Хорошо, – тихо прошептала я. Он отошел, и тогда мне

стукнуло. — А во сколько и где встретимся? Перелезу через забор, а дальше? Следующие полтора часа ходила сама не своя, с трудом сдерживаясь, чтобы не поделиться с Зинкой, ломала голову, почему выбрал меня. Не её или Ирину, не оставлявших надежду подружиться с ним.

Когда расходились от костра, Ваня подошел и напомнил, если не передумала, ждет в одиннадцать пятнадцать у второго лаза сквозь забор. В спальне девчонки долго укладывались, потом завели нескончаемые разговоры, и улизнуть не замеченной не удавалось. Каждую минуту посматривала на часы и с нетерпением ждала, когда же соседки угомонятся, заснут. В одиннадцать поднялась Наташка, у неё свидание. Остальные продолжали болтать и засыпать не собирались. Пришлось выдержать град вопросов, куда, к кому и не проболтаться.

Пролезла под проволоку, и еще не покинула территорию лагеря, как Иван протянул мне руку. Помог подняться, спросил, не оцарапалась ли, и, отпустив мою руку, замолчал. Сердце билось в страшном волнении. Мое первое свидание! Ваня нравился с первого своего появления, но я, как и другие девчонки, оказалась не в его вкусе. И вдруг пригласил на свидание! Меня, а не Зинку, которая сохнет по нему и постоянно набивается ему в подруги. Мы идем рядом, говорим о последнем фильме с Сильвестром Сталлоне.

Завела разговор о помощи совхозу, высказала сомнение в пользе нашей работы. Ваня, правильный во всем, и здесь,

убедил меня, что польза разносторонняя, свекла после прополки уродиться крупной, мы укрепим здоровье – целый день на свежем воздухе. Главное, класс сплотится, мы лучше узнаем друг друга.

– Не убежал бы после уроков, давно всех узнал. Догадываешься, девчонки без ума от тебя, а ты не обращаешь внимания ни на кого.

– Почему? На тебя обратил.

– Когда ушла из школы. Удивляюсь, почему выбрал меня.

– Понравилась, – засмеялся он. – Меньше других пялила глаза, не заигрывала.

Едва не призналась, что влюбилась в первый же день, а увидела равнодушие к женскому полу, не решалась даже взглянуть лишний раз. Вслух спросила:

– Был уверен, соглашусь на приглашение? Самоуверен. Вдруг отказалась бы.

– Отказа боялся, признаюсь. Из всех девчонок показалась самой серьезной, рассудительной. Девчонка – недотрога. Знаешь, что тебе надо в жизни. Долго колебался, пока не понял – сегодня или уже никогда следует решиться.

– Почему в школе не подошел?

– Говорю же: не решался.

Я боялась, не найду, о чем говорить, Ваня такой умный, начитанный, как не показаться дурой? Слава богу, Ваня сам находил темы для разговора, и мне оставалось только поддерживать. Говорили обо всем. О новинках видео, которые

оба смотрели, об учителях и одноклассниках. Узнала много интересного про детский дом. Несколько раз Ваня повторил, что его альма-матер образцово – показательная, в других детдомах жизнь значительно хуже. Про родителей сказал, погибли в автокатастрофе, и вспоминать не любит. Позже, когда стали дружить, и стал бывать у нас в доме, признался, что не знает родителей. Его оставили в роддоме. Фамилию, имя дали в Доме малютки. Попросил, никому не рассказывать, прежде всего, маме. Она относилась к нему настороженно и ворчала каждый раз после ухода. «Не можешь найти мальчика из приличной семьи».

С началом учебного года все узнали, что мы встречаемся. Больше всех завидовала моя близкая подруга Зинаида. Я приходила к Ване в детский дом, он засиживались у меня, слушали магнитофон, смотрели видик. Школу я не забывала и приходила на все вечера и дискотеки.

В последнюю школьную весну Вани я отдалась ему, и мы занимались сексом до самого его отъезда. После первой близости предложил жениться, раз мы стали мужем и женой. Я, более взрослая в этом вопросе, убедила подождать, когда закончу колледж и получу профессию. Признаюсь, я была инициатором попробовать запретное. Видела, как он хотел этого, но не настаивал. Большинство одноклассниц давно потеряли невинность и меняли мальчишек одного за другим. Его по – прежнему пытались отнять у меня и соблазнить. Ваня любил меня и не пытался попробовать с кем-то. Вот я и ре-

шилась. Сжигало желание попробовать не испытанное с любимым. Сложилась подходящая ситуация и мы стали близки.

После школы Ваня собирался в Москву или Ленинград, до последнего не мог решить, где лучшая перспектива стать настоящим археологом. Мне же предстояло оставаться в Самаре и ждать его, как мы решили. Или прилично выйти замуж, как надеялась мама. С поступлением Вани в Университет, мама считала, закончится школьная дружба, и не препятствовала нашим встречам. А у нас разгорелась любовь, как описывают в книгах. Дня не могли прожить друг без друга. В доказательство нашей большой любви, ниспосланной свыше, Ваня приводил древнегреческий миф.

– Люди сначала были андрогенами – обоеполыми человеческими существами, а боги разделили их на две половинки – мужчину и женщину. С тех пор они блуждают по свету, ищут друг друга. Мы с тобой тоже некогда составляли одно тело, потом его разделили на две половинки. Мы искали друг друга и нашли. Это большое счастье. Миллионы людей ищут свои половинки, а находят единицы.

Мама с первого дня не одобряла нашу дружбу, но встречала Ваню приветливо, усаживала обязательно за стол, кормила разной вкуснятиной, приговаривая, что в детдомовской столовой так не приготовят. Ваня первое время пытался разубедить её, потом смирился, продолжая подчеркивать, что очень не любит, когда его жалеют.

Я понимала его. Выросла без отца, и сильно обижалась,

когда бабушка называла сироткой. Время от времени в доме появлялись мужчины, жили с нами какое-то время и исчезали. Я рано повзрослела и, понимая мать, не спрашивала, почему вместо дяди Коли появился дядя Витя, а его сменил дядя Сережа.

Когда училась в колледже, с нами стал жить Владимир Петрович. Не знаю, что нашел в моей маме, не закончившей десятилетку. Образован, интеллигентен, несколько лет работал директором школы, теперь служил в городской администрации. Он и маму устроил на работу туда. Хорошо относился ко мне. Несколько лет спустя, когда я уже жила в Москве, он вернулся к жене, и мама опять осталась одна.

Несмотря на увлечения мужчинами, мама не забывала обо мне. У Вани, с маминой точки зрения, один недостаток, – бездомный, голытьба. Как добрый и рассудительный, он нравился ей. На нашу дружбу смотрела, как на детское увлечение, не верила, что я влюбилась на всю жизнь. Принесу в подоле – не опасалась, верила в мой серьезный подход к этой проблеме.

Ваня поступил в Петербургский университет на археологию, о которой мечтал. Перед началом учебного года, счастливый, возвратился в Самару и все дни мы проводили вместе. К первому сентября уехал в Питер. Мне оставалось еще полгода доучиваться в колледже.

На зимние каникулы Ваня приехал в Самару, и мы опять были вместе. Прощаясь, предупредил что в следую-

ший раз встретимся нескоро. На всё лето договорился поехать со старшекурсниками в археологическую экспедицию в Среднюю Азию. Обещал заработать деньги и в сентябре пригласить меня в Питер, я поклялась ждать.

И не дождалась. Поддалась натиску мамы и вышла замуж за Валерия – «нового русского», старше меня на 12 лет.

Встреча с Валерием

Он увидел меня, когда зашла к маме в Администрацию города. Увидел и влюбился. Узнал, что я шью, беру заказы, и приперся к нам домой. Принес отрез шелковой ткани с интересным рисунком, и попросил сшить из нее галстук. Признался: день и ночь мечтает о таком галстуке. Я отнекивалась, никогда не шила мужских галстуков, понятия не имею как. Он предвидел мои возражения и захватил с собой три импортных галстука, каждый стоимостью не меньше сотни баксов, чтобы я растерзала их, и разобралась, как сшиты. Я поняла, не галстук ему нужен, а повод встретиться. Пришла мама и тоже стала просить уважить Валерия Александровича. Когда он ушел, принялась просвещать.

– Да ты знаешь, кто он! К губернатору Титову левой ногой дверь открывает и входит без доклада! Постарайся выполнить заказ. Уверена, хорошо заплатит.

– Мама, не морочь голову! Отлично знаешь, не галстук ему нужен! Сама, наверное, адрес наш дала.

– Если и так, что плохого? Богатый, молодой не женатый, красивый мужчина. Не чета твоему Ваньке. Поддержи знакомство, а там видно будет.

– У него наверняка десяток любовниц. Почему не женат, интересно. Слишком стар, чтобы поддерживать знакомство. И зачем? Отлично знаешь, я люблю Ваню и зимой мы поже-

нимся.

– Ну и дура! Пока молода, красива, надо брать от жизни всё! Такой случай представляется раз в жизни, миллионер обратил внимание!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.